

Учредитель

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ВЕСТНИК
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Председатель
Редакционного совета
Гагик Арутюнян

Издательская группа:
Григор Назарян
Анаит Манасян
Ирина Давидян
Шавра Александрян

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Телефон 58-51-89

2
2013

СОДЕРЖАНИЕ

* ПКС-1009. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 198 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ШАВАРША МКРТЧЯНА И ДРУГИХ	3
* ПКС-1010. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПОДПУНКТА “Е” ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 8, ЧАСТЕЙ 6 И 7 СТАТЬИ 12 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “О ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЕ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ “ВАНАДЗОРСКИЙ ОФИС ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АССАМБЛЕИ”	20
* ПКС-1020. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 138 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ШАВАРША МКРТЧЯНА И ДРУГИХ	34
* ПКС-1037. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 208 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНКИ НЕЛЛИ МКРТЧЯН	50
* ПКС-1050. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПЕРВОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 6 И ПЕРВОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 9 СТАТЬИ 35, ПУНКТА 3 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 41 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕНСИЯХ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА	63
* ПКС-1052. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 379 И ЧАСТЕЙ 1 И 2 СТАТЬИ 380 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНКИ ГАЯНЕ АШУГЯН	79

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 198 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ГРАЖДАНИНА ШАВАРША МКРТЧЯНА И ДРУГИХ**

г. Ереван

24 февраля 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузяна (докладчик), А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителя заявителей К. Межлумяна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА — главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Мхитарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 3 статьи 198 Гражданского кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Шаварша Мкртчяна и других”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 16.11.2011 г. в Конституционном Суде РА обращение Ш. Мкртчяна и других.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Гражданский кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский кодекс РА принят Национальным Собранием РА 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 28 июля 1998 года и согласно принятому Национальным Собранием РА 17.06.1998 г. Закону РА “О введении в действие Гражданского кодекса Республики Армения” вступил в силу с 1 января 1999 года.

Статья 198 Гражданского кодекса РА, озаглавленная “Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности”, устанавливает:

“1. Участники совместной собственности, если иное не предусмотрено соглашением между ними, сообща владеют и пользуются общим имуществом.

2. Распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом.

3. Каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех совладельцев. Совершенная одним из участников совместной собственности сделка, связанная с распоряжением общим имуществом, может быть признана недействительной по требованию остальных участников по мотивам отсутствия у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий только в случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом”.

2. Процессуальная предыстория дела сводится к следующему. Правительство РА 26.06.2009 г. приняло Постановление номер 944-Н “О признании земельных участков, являющихся собственностью граждан сельской общины Алидзор Сюникского марза Республики Армения, исключительно приоритетным общественным интересом и изменении целевого назначения земель”. Постановлением Правительства ЗАО “Истейт Менеджмент энд Администрейшн Кампани” было признано приобретателем отчуждаемых земельных участков. Последнее обратилось в суд общей юрисдикции Сюникского марза против Шаварша Мкртчяна и других с иском о признании отчуждения собственности и обязанности (принуждении) заключения договора об отчуждении.

Решением суда общей юрисдикции Сюникского марза от 31.08.2010 г. U1-1/0046/02/10 иск был удовлетворен.

Решением Апелляционного гражданского суда РА от 24.12.2010 г. апелляционная жалоба заявителей была отклонена. Отклонив апелляционную жалобу, Апелляционный гражданский суд РА принял за основание выраженную Кассационным Судом РА по делу от 18.09.2009 г. номер ԵԱԸԳ/0275/02/08 правовую позицию относительно оспариваемой части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА, и в части “Мотивировки и заключения Апелляционного суда” своего решения констатировал следующее: “Кассационный Суд РА в своих решениях обращался к правовому анализу части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА. В частности, в силу части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА каждый из совладельцев вправе распоряжаться совместным имуществом, если иное не предусмотрено соглашением между ними. ... Одновременно Кассационный Суд РА констатировал, что в случае предусмотренного статьей 198 Гражданского кодекса РА распоряжения имуществом, находящимся в общей совместной собственности, действует презумпция согласия всех совладельцев и наличия права на распоряжение им (см. решение Кассационного Суда РА по делу от 18.09.2009 г. номер ԵԱԸԳ/0275/02/08).

Кассационный Суд РА своим решением от 27.04.2011 г. возвратил кассационную жалобу заявителей, еще раз закрепив в данном решении правовую позицию, выраженную в решении, вынесенном по делу от 18.09.2009 г. номер ԵԱԸԳ/0275/02/08.

3. По мнению заявителей, толкование, данное в правопримени- тельной практике части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА, про- тиворечит положениям статей 1, 3 и части 1 статьи 31 Конституции РА. Согласно заявителям, Апелляционный и Кассационный Суды из толкования части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА вынесли, что презумпция согласия на распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, действует в том случае, когда подобная пре- зумпция не установлена статьей 31 Конституции РА, которая гаран- тирует право собственника на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом, что предполагает право распоряже- ния имуществом исключительно с ведома или по воле собственника либо всех собственников имущества.

Заявители считают, что часть 3 статьи 198 Кодекса постольку, пос- кольку она устанавливает презумпцию согласия на распоряжение иму- ществом, находящимся в совместной собственности, и это дает возможность любому из участников совместной собственности без ве- дома или согласия других совладельцев, даже против их воли отчуж- дать совместную собственность, противоречит статье 31 Конституции, которая предоставила правомочие на распоряжение собственнику.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, счи- тает, что часть 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА соответствует Конституции РА. В качестве обоснования своей позиции сторона-от- ветчик обращается к отличиям содержания права общей долевой и права общей совместной собственности, к правовой возможности пре- образования общей совместной собственности в общую долевую собственность и констатирует, что в случае общей совместной собственности отношения, существующие между совладельцами, ос- новываются на особом личном доверии, когда не предполагается и не требуется полной определенности объема соответствующих полномо- чий участников.

Основываясь на анализе материалов дела, ответчик считает оче- видным, что “закрепленный законом существующий порядок распо- ряжения совместной собственностью не привел к нарушению прав других участников совместной собственности именно благодаря отно- шениям личного доверия, а недовольство заявителей вовсе не связано с предусмотренным частью 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА

правовым регулированием, а именно со злоупотреблением каждым из участников совместной собственности своим правом совершать сделки по распоряжению общим имуществом”.

5. Конституционный Суд РА констатирует, что при признании первым предложением части 1 статьи 31 Конституции права собственности как основного права каждого раскрывается содержание этого права, а именно правомочия на владение, пользование, распоряжение своей собственностью и ее завещание, одновременно устанавливая в качестве предпосылки реализации этого **усмотрение собственника**. В этой конституционной норме акцентированием формулировки “по своему усмотрению” в основе реализации права собственности положена четко выраженная воля собственника, которая рассматривается как обязательное предусловие реализации права собственности, и в процессе реализации права собственности придает решающее значение волеизъявлению лица. Содержание этого положения сводится к тому, что реализация имущественных прав должна осуществляться на основании принципов неприкосновенности собственности и договорной свободы, которые предполагают, в числе прочего, **имущественную самостоятельность и автономию воли участников гражданско-правовых отношений**.

Конституционный Суд РА, обращаясь в своем Постановлении ПКС-630 к допустимым ограничениям права собственности, в частности, отметил: “Статья 43 Конституции не рассматривает право собственности как право, ограничиваемое на основании этой статьи. Налицо тот особый случай ограничения прав, когда Конституция определяет критерий и пределы ограничения данного права, не относя это даже к компетенции законодателя. Это может, во-первых, осуществляться в случаях, предусмотренных законом, исключительно путем лишения собственности в судебном порядке как принудительное действие, вытекающее из ответственности. Во-вторых, путем “отчуждения собственности”, которое является институтом, существенно отличным от “лишения собственности”, и должно осуществляться по основаниям части 3 статьи 31 Конституции”.

Общим элементом, характерным для двух указанных случаев допустимого ограничения права собственности, является то, что в обоих случаях **усмотрение собственника**, его воля больше не являются пер-

вичными и решающими, так как в этих случаях приоритетными становятся иные более предпочтительные в данной ситуации интересы.

Таким образом, Конституция РА допускает исключительно два случая, а именно предусмотренные частями 2 и 3 статьи 31 случаи, когда воля собственника не является приоритетной, и реализация права собственности не вытекает из усмотрения собственника. Следовательно, в любом другом случае влияние на усмотрение собственника в процессе реализации права собственности, распоряжение имуществом собственника без четкого выражения и проявления этого усмотрения не может считаться правомерным и будет нарушением права собственности.

Конституционный Суд констатирует, что закрепленное в первом предложении части 1 статьи 31 Конституции РА положение гарантирует одинаковую защиту для всех видов собственности и касается как единоличного, так и общего права собственности на имущество. Содержание общего права собственности на недвижимое имущество необходимо толковать так, чтобы его защита была равноценна защите, предусмотренной для защиты права собственности лица. При общей собственности (долевой и совместной) каждый из совладельцев является самостоятельным субъектом имущественных правоотношений, наделенным субъективным правом собственности и составляющим содержание последнего правомочием на владение, пользование и распоряжение **по своему усмотрению**. Следовательно, правомочие на распоряжение, а также владение и пользование имуществом, находящимся в общей собственности, может быть реализовано только с взаимного согласия всех совладельцев, на основании волеизъявления каждого из совладельцев.

6. Сопоставительный анализ частей 1, 2 и 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА свидетельствует, что как в вопросе реализации правомочия на владение и пользование, так и в вопросе распоряжения совместной собственностью законодатель созвучно статье 31 Конституции РА придал первостепенное значение воле каждого из совладельцев. Так, закрепленная в части 1 статьи 198 Кодекса норма устанавливает порядок владения и пользования участниками совместной собственности общим имуществом. Согласно этой норме участники совместной собственности, если иное не предусмотрено соглашением между ними, **сообща владеют и пользуются общим**

имуществом. Указанная норма является диспозитивной, и, устанавливая общий порядок владения и пользования общим имуществом, одновременно, исходя из конституционного требования учитывания усмотрения совладельцев, дает совладельцам возможность установить иной порядок соглашением между ними.

Часть 2 статьи 198 Кодекса устанавливает порядок распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, а именно распоряжение имуществом осуществляется **с согласия всех участников**. В отличие от нормы, закрепленной в части 1 указанной статьи, положение, закрепленное в части 2, по своему характеру является императивным, и в качестве обязательного условия реализации права распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, закрепляет **наличие согласия всех совладельцев**. Эта норма не предусматривает какого-либо исключения или предварительного условия. Однозначно, что распоряжение имуществом без согласия совладельцев невозможно.

Содержание права распоряжения имуществом раскрыто в статье 163 Гражданского кодекса РА. В ней, в частности, отмечено, что «право распоряжения представляет собой юридически обеспеченную возможность определять юридическую судьбу имущества». Одновременно часть 2 той же статьи устанавливает, что «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать имущество в собственность другим лицам, передавать им права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог или распоряжаться им иным образом».

Правомочие распоряжения предполагает право собственника в установленных законом рамках и порядке определять юридическую и фактическую судьбу своего имущества посредством совершения действий в отношении имущества или воздержания от их совершения. Это не что иное, как право проявить усмотрение или, иначе, автономно воли в отношении судьбы имущества в условиях и порядке, установленных законом и в рамках, указанных в первой части статьи 31 Конституции РА. Однако автономия этой воли не может быть безграничной и не может противоречить закону, нарушать права и законные интересы иных лиц.

Конституционный Суд считает необходимым констатировать также, что законодатель, учитывая правовое регулирование в части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА, согласно которому каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, в части 2 уточняет, что распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется с согласия совладельцев, **независимо от того, кто из совладельцев совершает сделку по распоряжению имуществом.** Подобное уточнение не является самоцелью и свидетельствует как о системной взаимосвязи частей 2 и 3 статьи, являющейся предметом спора, так и о различии предметов их правового регулирования. Этим одновременно обозначаются особенность правового регулирования распоряжения как элемента содержания права совместной собственности, порядок реализации права определять судьбу имущества, являющегося совместной собственностью, и возможные правовые последствия.

Задачей правового регулирования части 2 статьи 198 Кодекса является установление **порядка распоряжения общим имуществом**, между тем в части 3 той же статьи, учитывая, что основным способом, формой реализации правомочия по распоряжению имуществом является совершение сделки, законодатель установил механизм реализации правомочия по распоряжению, закрепив право каждого из совладельцев совершать сделки от имени других. Причем закрепленная в части 3 норма, в отличие от императивной нормы, закрепленной в части 2, является диспозитивной и предусматривает также возможность иного соглашения между совладельцами в вопросе реализации права совершения сделки. Формулировка части 3 статьи “если иное не вытекает из соглашения всех совладельцев” касается соглашения совладельцев относительно **реализации права совершения сделки** в условиях удовлетворения императивного требования, предусмотренного частью 2.

Часть 3 статьи 198 Кодекса решает следующие задачи. **Во-первых, устанавливает порядок реализации части 2 настоящей статьи**, предоставляя каждому участнику совместной собственности право совершать сделку по распоряжению общим имуществом, **однако причисляя реализацию этого права к воле совладельцев.** Во-вторых, в случае совершения сделки по распоряжению собственностью только одним из совладельцев предусматривает конкретную

гарантию по защите прав остальных участников и добросовестных приобретателей.

Из системного анализа положений статьи 198 Гражданского кодекса РА вытекает:

а/ право распоряжения общим имуществом, являющимся совместной собственностью, в равной мере принадлежит всем совладельцам, и кто-либо из них без согласия других участников не правомочен распоряжаться им;

б/ каждый из них вправе совершать сделки по распоряжению имуществом при условии наличия необходимого полномочия.

7. С точки зрения раскрытия конституционно-правового содержания оспариваемой нормы важное значение имеет также уточнение содержания формулировки “необходимые полномочия”. В частности, в связи с этим важное значение имеет следующий вопрос: на самом ли деле законодатель под формулировкой “необходимые полномочия” имеет в виду наличие права одного совладельца совершать сделку от имени других совладельцев или наличие согласия всех совладельцев на распоряжение общим имуществом?

Конституционный Суд констатирует, что восприятие содержания необходимого полномочия по первой части постановки вопроса неизбежно приведет к игнорированию требований императивной нормы, закрепленной в части 2 статьи, являющейся предметом спора. Между тем требование наличия необходимого полномочия не является самоцелью и должно стать гарантией для реализации усмотрения совладельцев.

Из правовой логики многих статей Закона РА “О правовых актах” (в частности 14-20) следует, что полномочие – это право и обязанность, данные субъекту правоотношений для совершения предусмотренных законодательством правомерных действий. В аспекте защиты субъективных прав уполномоченный **может быть наделен подобным полномочием в силу закона либо проявлением автономии воли субъектов правоотношений.** В гражданско-правовых отношениях оно предполагает также уполномочивание лица от имени уполномочивающего (уполномочивающих) совершать действия, которые в результате реализации субъективных прав последнего (последних) могут вызвать определенные правовые последствия.

Конституционный Суд считает, что сам факт совместной собственности не может предполагать наличие у каждого из совладельцев полномочия по распоряжению совместным имуществом по своему усмотрению. Подобное предположение во всех тех случаях, когда в соответствии с порядком, предусмотренным законом о государственной регистрации прав на имущество, определен конкретный круг совладельцев либо они как таковые признаны в силу закона, в правоприменительной практике необходимо исключить, учитывая, что:

а/ подобное предположение в первую очередь противоречит конституционно-правовому содержанию права собственности. Согласно статье 31 Конституции РА каждый имеет право на владение, пользование, распоряжение своей собственностью и ее наследование **по своему усмотрению**. Это усмотрение имеет субъективный характер, должно проявляться как волеизъявление данного лица. Одновременно законом предусматриваются те исключительные случаи отчуждения собственности, лишения собственности и пользования правом собственности, которые вытекают из частей 2, 3 и 4 вышеупомянутой статьи Конституции. Предусмотрение иного условия реализации права собственности, чем предусмотренное статьей 31 Конституции, неизбежно приведет к блокированию этого права. С другой стороны, согласно части 1 статьи 8 Конституции позитивная обязанность государства — гарантировать, обеспечивать и защищать право собственности, создавая для этого необходимые правовые предпосылки;

б/ именно исходя из вышеуказанных конституционно-правовых требований, законодатель и в части 1, и в части 2, и в части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА положил в основу правового регулирования права на собственность **волеизъявление участников совместной собственности — наличие их согласия**, учитывая юридический факт принадлежности имущества двум или более лицам на праве общей собственности;

в/ согласно статье 198 Гражданского кодекса РА совместная собственность является одной из форм общей собственности, и “с согласия участников совместной собственности, а в случае его отсутствия — по решению суда, на общее имущество может быть установлена долевая собственность этих лиц” (часть 5). Из сопоставительного анализа главы 12, в частности статей 189 и 199 Гражданского кодекса РА, а также статей 24 (часть 5), 27 (пункт 1 части 4), 35, 42, 43 и

46 Закона РА “О государственной регистрации прав на имущество”, статей 41 и 64 Закона РА “О нотариате” следует, что

- выступление одного из участников собственности в процессе государственной регистрации права общей собственности на имущество юридически неосуществимо в случае отсутствия согласия других участников, и что во всех случаях в свидетельстве о государственной регистрации прав на имущество указываются имена (наименования) всех субъектов зарегистрированного права как правовой факт признания государством права собственности этих субъектов, следовательно, также принятия позитивной обязанности его защиты;
- прекращение права на имущество одного из участников совместной собственности может иметь место **исключительно с его согласия** или в случае его смерти – в установленном законом порядке.

В результате сопоставительного анализа составляющих системную целостность норм статьи 198 Гражданского кодекса РА Конституционный Суд считает, что конституционно-правовое содержание части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА предполагает, что каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом (если иное не предусмотрено их соглашением) **при наличии позитивного (конкретного, предметного) согласия всех совладельцев, данного в результате реализации их усмотрения**, когда:

1) права совладельцев получили государственную регистрацию, и в правовом документе, подтверждающем право собственности (свидетельство о регистрации), четко указано, что имущество принадлежит конкретным собственникам на праве совместной собственности;

2) в порядке и случаях, предусмотренных статьей 18 Закона РА “О государственной регистрации прав на имущество”, права и ограничения на имущество возникают на основании закона и имеют юридическую силу независимо от юридической регистрации.

Если отсутствует какой-либо из вышеупомянутых случаев, то **задачей совместных собственников** является предварительное уточнение отношений между собой относительно отчуждения общего имущества, учитывая, что реализация субъективного права в первую очередь основана на действиях соответствующих лиц. **Последнее**

предполагает как четкую государственную регистрацию права собственности совладельцами, в случае необходимости определение доли каждого в установленном законом порядке, так и, исходя из положения, являющегося предметом спора, предусмотренное иными соглашениями. Необходимо также учитывать то обстоятельство, что согласно части 5 статьи 189 Гражданского кодекса РА не только долевая собственность участников совместной собственности может быть установлена на имущество, но и согласно части 1 статьи 195 Кодекса “при продаже доли в праве общей собственности третьему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов”.

Проявление дискреционного волеизъявления совладельцев в вопросе распоряжения общей собственностью произойдет в результате конкретизации отношений между ними. Именно при отсутствии подобного усмотрения на практике тот субъект, на чье имя была оформлена данная собственность, в установленном частью 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА порядке совершал сделку по распоряжению ею. Исходя из подобной ситуации, законодатель, в частности, в части 2 статьи 10 Закона РА “Об отчуждении собственности на нужды общества и государства” предусмотрел, что “если ... собственник отчуждаемой собственности не сообщает приобретателю об имеющихся имущественных правах на известную ему отчуждаемую собственность, но не имеющих государственной регистрации, то за ущерб, причиненный им вследствие отчуждения собственности без участия имеющих эти имущественные права лиц, ответственность несут собственники отчуждаемой собственности”.

Учитывая особенности и характер возникновения права совместной собственности, имея в виду, что правовые нормы относительно общей собственности должны регулировать как отношения, возникшие между совладельцами – “всеми участниками”, так и отношения, возникшие между совладельцами и третьими лицами, задачей законодателя является предусмотренное такое правовое регулирование проявления автономии воли совладельцев, чтобы не были нарушены права и законные интересы кого-либо из субъектов правоотношений. Это необходимо еще и для того, чтобы имущество не было обременено таки-

ми не выявленными на момент совершения сделки обязательствами, которые стали бы помехой для беспрепятственной реализации права собственности добросовестным приобретателем. Если с этой целью в статье 163 Гражданского кодекса РА право распоряжения обуславливается проявлением усмотрения, то в статьях 192 и 198 Кодекса стержнем правового регулирования являются согласие собственников и учет интересов третьей стороны.

Вместе с тем конституционно-правовые стандарты защиты права собственности не могут быть разными в зависимости от того обстоятельства, принадлежит ли имущество одному лицу или является общей (долевой или совместной) собственностью. Однако не должны игнорироваться также обусловленные многочисленностью предусмотренных законом форм особенности правового регулирования реализации права собственности. Учитывая это обстоятельство, Законом РА “О государственной регистрации прав на имущество” (в частности, статьи 5 и 43) предусмотрено как содержание государственной регистрации, так и соответствующая процедура регистрации совместной собственности как таковой. А в части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА **сила права подчиняется согласию совладельцев.**

В аспекте раскрытия конституционно-правового содержания правовой нормы, являющейся предметом спора, существенным является также **обеспечение равноценных правовых гарантий для защиты прав и интересов добросовестного приобретателя.** Законодатель развил тот концептуальный подход, согласно которому в случае столкновения прав и интересов, вытекающих из однородных правовых отношений, судебная защита этих прав лиц еще более гарантирована и эффективна в условиях полноценной реализации всех предусмотренных законом способов реализации этих прав, а также исключения добросовестного приобретения у неуполномоченного лица. Именно такой подход лежит в основе правового регулирования положения, закрепленного вторым предложением части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА.

8. Согласно статье 63 Закона РА “О Конституционном Суде” при определении конституционности правового акта Конституционный Суд оценивает как сам акт, так и сложившуюся правоприменительную практику.

Изучение правоприменительной практики относительно вопроса, являющегося предметом спора, свидетельствует, что в вопросе применения части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА имеются разные подходы. В действующих системах государственной регистрации и нотариального удостоверения недвижимого имущества при осуществлении государственной регистрации и нотариального удостоверения сделки относительно прав и ограничений на имущество, их возникновения, изменения, передачи и прекращения **обязательным считается позитивное согласие всех совладельцев.**

В судебной практике проявляется иной подход, учитывая данное в силу закона одному из совладельцев полномочие совершения сделки по отчуждению имущества единолично. Причем здесь также нашли место отличающиеся друг от друга правовые позиции. В частности, в решениях Кассационного Суда РА в одних случаях делается акцент на то, что “...отсутствие несогласия одного из совладельцев свидетельствует о согласии последнего и о наличии у совершающего сделку совладельца права на совершение сделки”, или иначе, при распоряжении общим имуществом действует “презумпция согласия совладельцев и наличия у лица, совершающего сделку по распоряжению им, права на совершение сделки” (например, решение по гражданскому делу от 27.12.2011 г. номер ЁЦРҚ-/1023/02/10). В другом случае выражается такая позиция, что при распоряжении общим имуществом, являющимся совместной собственностью, существует “... презумпция согласия других совладельцев и наличия права на распоряжение им” (решение по гражданскому делу от 18.09.2009 г. номер ЁЦРҚ-/0275/02/08). Очевидно, что конституционно-правовое содержание этих формулировок отличается. Если в первом случае акцент делается на “**презумпцию наличия права на совершение сделки**”, то во втором случае заключение касается презумпции “... **наличия права на распоряжение**” у одного из участников совместной собственности.

Конституционный Суд находит, что в первом случае заключение в аспекте конституционно-правового содержания права собственности не является спорным, так как **наделение полномочием совершения сделки** предусмотрено не так называемым “фактом молчания”, а в силу права посредством предоставления лицу в установленном законом порядке соответствующего полномочия. В этом контексте выражение “согласие” имеет предупредительный характер (если иное не

предусмотрено их соглашением) и отсутствие “иного” по соглашению означает отсутствие запрета на реализацию права либо согласие каждого на совершение сделки по отчуждению имущества в предусмотренном законом вопросе компетенции.

Однако в основе права распоряжения собственностью и Конституцией, и законом, как уже отмечалось, лежит **усмотрение** собственника, проявление его автономной воли. Поэтому приведенная во втором случае формулировка и в аспекте конституционно-правового содержания, и в аспекте ее выражения спорна.

В аспекте реализации права собственности, в частности права распоряжения имуществом, выражение “отсутствие несогласия является согласием” логически противоречит следующему из правового содержания статьи 31 Конституции РА принципу “усмотрения лица” или иначе – принципу “проявления автономной воли субъектов правоотношений”, так как в этом случае исходной правовой точкой является не совершение сделки в условиях непредусмотрения соглашением чего-то иного, **а конкретное наличие усмотрения лица в вопросе реализации права собственности.**

Международная правовая практика свидетельствует, что право собственности, независимо от того, реализуется ли отдельно или совместно, должно иметь такие конституционно-правовые предпосылки гарантирования, обеспечения и защиты, чтобы, с одной стороны, лицо могло владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью исключительно по своему усмотрению, с другой стороны, реализация права собственности не должна нарушать права и законные интересы иных лиц, общества и государства.

Согласие каждого из совладельцев в аспекте реализации своего права собственности, тем более в аспекте распоряжения собственностью является конституционным требованием, которое четко закреплено также в законодательных актах других стран. Например, статья 747 Гражданского кодекса Германии четко устанавливает, что “... совладельцы могут полностью распоряжаться совместной собственностью только в совместном порядке”. Эта формулировка существенно не отличается от равноценного требования части 2 статьи 198 Гражданского кодекса РА в аспекте распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, исключительно с согласия всех участников.

Вывод из сказанного заключается в том, что каждый из участников совместной собственности должен иметь право на совершение сделок по распоряжению общим имуществом, учитывая, что действует предусмотренное законом предварительное условие наличия права на распоряжение им с согласия совладельцев, а также наличия у совершающего сделку лица права и **необходимого полномочия** на совершение сделки.

В результате сопоставления двух вышеупомянутых подходов Конституционный Суд РА находит, что в части 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА в аспекте конституционности нет какой-либо неопределенности или проблемы. Что касается данного этому в судебной практике толкования, то в результате развития правовых позиций Кассационного Суда РА толкование, данное в решении по гражданскому делу от 27.12.2011 г. номер 6UQ7-1023/02/10, постольку, поскольку акцент делается на презумпцию наличия **права на совершение сделки** у одного из совладельцев, совершающего сделку, не вступает в прямое противоречие с конституционно-правовым содержанием нормы закона. Однако это в то же время не означает наличие у участника, совершающего сделку по распоряжению имуществом, **необходимого полномочия на отчуждение** являющегося совместной собственностью имущества в тех случаях:

- а/ когда права совладельцев получили государственную регистрацию и в свидетельстве о регистрации права собственности четко указано, что имущество принадлежит конкретным собственникам на праве совместной собственности;
- б/ когда в порядке и случаях, предусмотренных статьей 18 Закона РА “О государственной регистрации прав на имущество”, права и ограничения на имущество возникают на основании закона и имеют юридическую силу независимо от государственной регистрации.

В указанных случаях отчуждение имущества может иметь место только **в условиях позитивного волеизъявления** каждого из совладельцев согласно требованию части 2 статьи 198 Гражданского кодекса РА. Это те случаи, когда при осуществлении государственной регистрации или нотариального удостоверения прав и ограничений на имущество, их возникновения, изменения, передачи и прекращения четким является обстоятельство наличия права собственности совла-

дельцев и необходимо конкретное проявление их усмотрения, что будет свидетельствовать также о наличии у совершающего сделку необходимого полномочия.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 3 статьи 198 Гражданского кодекса РА соответствует Конституции РА в том конституционно-правовом содержании положений первого предложения этой части, согласно которому каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не предусмотрено соглашением между ними, учитывая, что в нижеупомянутых случаях при совершении одним из участников сделки по распоряжению имуществом необходимо позитивное согласие всех совладельцев, что будет свидетельствовать о наличии у совершающего сделку участника необходимого полномочия. Эти случаи:

- а) когда права совладельцев получили государственную регистрацию и в свидетельстве о регистрации права собственности четко указано, что имущество принадлежит конкретным собственникам на праве совместной собственности;
- б) когда в порядке и случаях, предусмотренных статьей 18 Закона РА “О государственной регистрации прав на имущество”, права и ограничения на имущество возникают на основании закона и имеют юридическую силу независимо от государственной регистрации.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции РА настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

24 февраля 2012 года
ПКС-1009

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ПОДПУНКТА “Е” ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 8, ЧАСТЕЙ 6 И 7
СТАТЬИ 12 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
“О ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЕ”
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ “ВАНАДЗОРСКИЙ ОФИС ХЕЛЬСИНКСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ АССАМБЛЕИ”**

г. Ереван

6 марта 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян (докладчик), В. Погосяна,

с участием:

представителей стороны-заявителя А. Зейналяна и А. Казаряна, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официально представителя Национального Собрания РА — главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Мхитарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия подпункта “е” части 4 статьи 8, частей 6 и 7 статьи 12 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне” Конституции Республики Армения на основании обращения Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинкской гражданской ассамблеи”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 23.11.2011 г. в Конституционном Суде РА обращение Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинкской гражданской ассамблеи”.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Закон Республики Армения “О государственной и служебной тайне” и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О государственной и служебной тайне” принят Национальным Собранием РА 3 декабря 1996 года, подписан Президентом РА 30 декабря 1996 года и вступил в силу 9 января 1997 года.

Подпункт “е” части 4 статьи 8 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне”, озаглавленной “Полномочия государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц в области причисления сведений к ряду государственной и служебной тайны и их защиты”, устанавливает, что республиканские исполнительные органы, органы территориального управления и местного самоуправления:

“е) в рамках своей компетенции осуществляют другие полномочия по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны и полномочия в области их защиты”.

Части 6 и 7 статьи 12 того же Закона, озаглавленной “Причисление сведений к ряду государственной и служебной тайны”, устанавливают:

“Те государственные органы, руководители которых наделены полномочиями причисления сведений к ряду государственной и служеб-

ной тайны, разрабатывают расширенные ведомственные перечни подлежащих засекречиванию сведений, в которые включаются:

- а) те относящиеся к ряду государственной тайны сведения, полномочиями распоряжаться которыми они наделены;
- б) сведения, относящиеся к ряду служебной тайны.

В ведомственных перечнях отмечается также степень секретности каждого включенного сведения. Эти перечни и внесенные в них изменения и дополнения утверждаются соответствующими руководителями государственных органов. Ведомственные перечни засекречиваются и не подлежат публикации”.

2. Процессуальная предыстория дела сводится к следующему. Заявитель 10.02.2010 г. с запросом информации обратился к министру обороны Республики Армения с просьбой предоставить информацию о числе военнослужащих срочной и контрактной службы, умерших в 2009 году во время службы в Вооруженных Силах Республики Армения, их имена, фамилии и адреса.

В ответ на запрос Министерство обороны Республики Армения 20.02.2010 г. отказало в предоставлении информации, ссылаясь на требования пункта 1 статьи 8 Закона Республики Армения “О свободе информации” и мотивируя, что запрашиваемая информация, исходя из требований Закона, согласно расширенному ведомственному перечню подлежащих засекречиванию сведений Министерства обороны Республики Армения, введенному в действие соответствующим секретным приказом министра обороны Республики Армения, является секретной информацией и согласно требованиям статьи 4 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне” считается служебной тайной.

Заявитель 27.02.2010 г. направил в Министерство новый запрос с просьбой предоставить соответствующий секретный приказ министра обороны Республики Армения и введенный им в действие “Расширенный ведомственный перечень подлежащих засекречиванию сведений Министерства обороны Республики Армения”, в удовлетворении которого Министерство также отказало, ссылаясь на требование Закона.

Заявитель 19.04.2010 г. подал иск в Административный суд Республики Армения против Министерства обороны РА. Административ-

ный суд Республики Армения, рассмотрев по иску Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинкской гражданской ассамблеи” против Министерства обороны РА административное дело N4/1314/05/10 “О требовании о признании факта нарушения права на свободу информации Общественной организации “Ванадзорский офис Хельсинкской гражданской ассамблеи”, об отмене приказа о расширенном ведомственном перечне подлежащих засекречиванию сведений Министерства обороны Республики Армения, об обязанности Министерство обороны Республики Армения предоставить искомую по запросу от 10.02.2010 г. 5/2010-051” информацию как производное требование, решением от 23.11.2010 г. отклонил исковое заявление, аргументировав, что непредоставление требуемой истцом информации следует из положений статьи 43 Конституции Республики Армения и части 3 статьи 6 Закона Республики Армения “О свободе информации”, следовательно, факт нарушения права стороны-истца на свободу информации отсутствует.

Административный суд одновременно аргументировал, что “... указанных анализов, независимо от применения последнего абзаца статьи 12 Закона РА “О государственной и служебной тайне”, вполне достаточно для вынесения окончательного и мотивированного судебного акта в рамках представленного истцом требования. Следовательно, Суд не обращается к обсуждению указанного истцом ходатайства, одновременно констатируя, что, по мнению Суда, “последний абзац статьи 12 Закона РА “О государственной и служебной тайне” не противоречит статье 6 и пунктам 1, 2, 3, 5, 6 статьи 83.5 Конституции РА”.

Административный апелляционный суд Республики Армения своим решением от 16.03.2011 г. отклонил поданную заявителем апелляционную жалобу, переутвердив правовые позиции Административного суда Республики Армения.

Кассационный Суд Республики Армения своим решением от 18.05.2011 г. “О возвращении кассационной жалобы” возвратил поданную заявителем кассационную жалобу.

3. Оспаривая конституционность подпункта “е” части 4 статьи 8 и частей 6 и 7 статьи 12 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне”, заявитель находит, что они противоре-

чат требованиям статей 3, 5, 6, 27, 43, 83.5 и 117 Конституции Республики Армения.

По утверждению заявителя, законодатель предоставил регулирование правоотношений по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны ведомственным актам, а статьей 12 наделил органы исполнительной власти полномочием, чтобы последние разрабатывали и принимаемыми ими актами утверждали расширенные ведомственные перечни подлежащих засекречиванию сведений, полномочием распоряжения которыми они наделены. Одновременно частью 7 статьи 12 Закона установлено, что ведомственные перечни о секретных сведениях засекречиваются и не подлежат публикации, то есть “секретным, не подлежащим публикации правовым актом ведомства устанавливаются те сведения, которые являются секретными”.

Согласно заявителю, в условиях подобного правового регулирования вне гражданского контроля остается одна из важных сфер органов публичной власти, что несовместимо с основополагающими принципами, действующими в правовом и демократическом обществе. Заявитель отмечает также: “Так как остается тайной, что является секретным сведением, то любое известное членам общества сведение с определенной вероятностью может быть включено в эти перечни и их распространение, возможно, породит фактические и правовые последствия для участников правоотношений”.

Относительно статьи 117 Конституции РА заявитель, констатируя, что Закон, являющийся предметом спора, принят до конституционных изменений 2005 года, находит, что Закон РА “О государственной и служебной тайне” является одним из тех многочисленных законов, который в силу статьи 117 Конституции Республики Армения после вступления в силу изменений Конституции не был пересмотрен и не подвергался изменениям.

4. Ответчик, возражая против аргументов заявителя, отмечает, что право на свободу слова, включая свободу поиска, получения и распространения сведений и идей, не является абсолютным правом. В числе прочего, правомерность ограничения этого права в интересах государственной безопасности предусмотрена рядом международных документов.

Сторона-ответчик находит, что необоснованно то утверждение стороны-заявителя, что законодатель предоставил регулирование правоотношений по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны ведомственными актами, так как правоотношения в связи с ограничением права на свободу слова, включая право на поиск, получение сведений, урегулированы неведомственными актами, а возможность подобного ограничения предусмотрена международными правовыми актами и Конституцией Республики Армения, и указанные правоотношения более детально регулируются, в частности, Законами Республики Армения “О государственной и служебной тайне” и “О свободе информации”.

Согласно стороне-ответчику, Закон РА “О государственной и служебной тайне” четко устанавливает процедуру причисления сведений к ряду государственной или служебной тайны. Закон закрепляет сведения, подлежащие причислению к ряду государственной и служебной тайны, а также ограничения по причислению их к ряду государственной и служебной тайны. Должностные лица, наделенные полномочиями по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны, не компетентны выходить за установленные Законом рамки, а компетентны лишь конкретизировать их по сферам и ведомственной принадлежности, а не устанавливать сведения новой категории.

Что касается того утверждения заявителя, что из-за секретности расширенных ведомственных перечней любое известное членам общества сведение с определенной вероятностью может быть включено в эти перечни, и их распространение, возможно, породит фактические и правовые последствия для участников правоотношений, то, согласно ответчику, оно необоснованно, так как, в частности, Уголовным кодексом Республики Армения предусматривается ответственность за умышленное разглашение содержащих государственную тайну сведений лицом, которое имело право ознакомления с государственной тайной и которому она была доверена или стала известна по службе, если отсутствуют признаки государственной измены.

Ответчик находит, что оспариваемые положения, не будучи по своему содержанию неконституционными, до сегодняшнего дня не вызвали необходимость пересмотра.

5. Конституционный Суд РА констатирует, что согласно статье 27 Конституции РА право на свободу слова включает также свободу поиска и получения сведений. Доступность публичной информации является одной из существенных предпосылок демократии и прозрачности государственного управления, ответственного перед обществом. Осуществляемый посредством общественного мнения демократический контроль стимулирует прозрачность действий государственной власти и способствует подотчетной деятельности государственных органов и должностных лиц.

Однако это конституционное право не является абсолютным правом и подлежит ограничению по основаниям и в порядке, установленном статьей 43 Конституции РА. Соотношение этой конституционной ценности с другими конституционными ценностями, в частности с государственной безопасностью, определяет характер ее возможных ограничений. Указанная в статье 43 Конституции РА возможность ограничения свободы поиска и получения сведений для правомерной цели защиты государственной безопасности позволяет государственной власти причислять к ряду государственной или служебной тайны и в соответствии с этим ограничивать доступность тех сведений, распространение которых может нанести вред государственной безопасности. В соответствии со статьей 43 Конституции РА статья 8 Закона РА “О свободе информации”, озаглавленная “Ограничения свободы информации”, ограничивает доступность той информации, которая содержит государственную, служебную, банковскую или коммерческую тайну.

6. Поднятый в рамках настоящего дела конституционно-правовой спор, в частности, выдвигает следующие правовые вопросы:

- а/ предполагает ли реализация органами исполнительной власти в рамках их компетенции установленного Законом полномочия по причислению сведений к государственной и служебной тайне ограничение права на получение сведений, и в соответствии с этим разрабатываемые данными органами расширенные ведомственные перечни подлежащих засекречиванию сведений сами по себе являются ли ограничением указанного права;
- б/ правомерны ли засекречивание и непубличный характер расширенных ведомственных перечней подлежащих засекречиванию сведений.

Для ответа на указанные вопросы в первую очередь важен системный анализ Закона, в результате которого возможно определить, устанавливает ли Закон четкие, конкретные и полноценные стандарты для квалификации того или иного сведения как государственной тайны и гарантирования принципа ограничения права исключительно законом.

Статья 2 Закона РА “О государственной и служебной тайне” определяет понятие “государственная тайна”. Согласно этой статье государственной тайной являются те сведения о военной, внешнеполитической, экономической, научно-технической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-разведывательной областях деятельности, которые охраняются государством, и распространение которых может привести к тяжелым последствиям для безопасности Республики Армения.

В дополнение к этому определению статья 9 вышеупомянутого Закона предусматривает круг сведений, подлежащих причислению к ряду государственной тайны. В этой статье по всем областям, упомянутым в статье 2, выделяются сведения, подлежащие причислению к государственной тайне. Одновременно статья 10 Закона устанавливает те сведения, которые не могут быть причислены к ряду государственной тайны. Статья 11 Закона устанавливает также принципы засекречивания.

Определение государственной тайны, данное в статье 2 Закона РА “О государственной и служебной тайне”, в сопоставлении с предусмотренным статьей 9 Закона кругом подлежащих причислению к ряду государственной тайны сведений и предусмотренными статьей 10 ограничениями позволяет констатировать, что Закон устанавливает рамки причисления того или иного сведения к ряду государственной тайны и, вследствие этого, ограничения их доступности, следовательно, и права лица на поиск и получение сведений.

Закон РА “О государственной и служебной тайне” устанавливает также степени секретности, одновременно закрепляя те ориентирующие критерии, на основании которых компетентные должностные лица классифицируют те или иные сведения по степеням секретности.

На основании вышеупомянутого Конституционный Суд находит, что гарантируется реализация конституционного принципа ограничения прав исключительно законом, а подзаконодательным актам предоставлена функция обеспечения осуществления требований закона.

7. Статья 8 Закона РА “О государственной и служебной тайне” устанавливает полномочия государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц в области причисления сведений к ряду государственной и служебной тайны. Законодатель, предусматривая статьей 9 Закона подлежащие причислению к ряду государственной тайны сведения по соответствующим областям с целью осуществления единой государственной политики в области засекречивания сведений, статьей 12 уполномочивает Правительство РА разработать перечень сведений, причисляемых к ряду государственной тайны Республики Армения, в котором указываются также государственные органы, наделенные полномочием распоряжаться каждым из сведений. Согласно Закону указанный перечень утверждается Президентом РА, пересматривается в случае необходимости и подлежит опубликованию. Закон, закрепляя публичный характер этого перечня, обеспечивает его доступность и предсказуемость действий лиц, имеющих к этому отношение.

Предоставляя статьей 8 Закона республиканским исполнительным органам полномочие причисления **в рамках их компетенции** сведений к ряду государственной и служебной тайны, одновременно в статье 12 законодатель конкретизировал характер подлежащих разработке этими органами ведомственных перечней, согласно которому они являются **расширенными перечнями**.

В соответствии со статьей 8 Закона РА “О государственной и служебной тайне” 19 августа 1997 года Правительство РА приняло Постановление номер 350 “Об утверждении перечня должностных лиц государственных органов, наделенных полномочиями по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны”. В соответствии со статьями 8 и 12 Закона Постановлением Правительства РА от 13 марта 1998 года номер 173 утвержден перечень сведений, причисляемых к ряду государственной тайны в Республике Армения, и руководителям органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по причислению сведений к ряду государственной и служебной тайны, поручено в месячный срок в установленном порядке разработать расширенные ведомственные перечни подлежащих засекречиванию сведений.

Постановлением Правительства РА от 29 октября 1998 года номер 665 утвержден порядок разработки перечня сведений, причисля-

емых к ряду государственной тайны Республики Армения. Согласно пункту 2 утвержденного этим Постановлением порядка “проекты перечней сведений, причисляемых к ряду государственной тайны, разрабатываются в соответствии с требованиями статьи 9 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне”...”. То есть они должны включать **исходящие из требований закона сведения, подлежащие причислению к ряду государственной тайны**. Это в равной степени касается и расширенных ведомственных перечней.

Исходя из вышеуказанного, Конституционный Суд РА находит, что:

- а/ составленные в установленном порядке детализированные ведомственные перечни являющихся государственной тайной сведений сами по себе не могут привести к ограничению права на получение информации. Ограничения этого права предусмотрены законом, и законодатель установлением предусмотренного оспариваемыми нормами полномочия не делегировал органам исполнительной власти свое исключительное полномочие по установлению ограничений права, а, осуществляя свое конституционное полномочие по установлению ограничений, **уполномочил эти органы реализовать установленное законом ограничение;**
- б/ вышеупомянутые Постановления Правительства РА, правомерность которых не вызывает вопросов, утверждены Президентом РА до изменений Конституции РА 2005 года в соответствии с требованиями действующего порядка. Учитывая новый порядок принятия и введения в действие постановлений Правительства РА после конституционных изменений, законодатель был обязан, исходя из требований части 1 статьи 117 Конституции РА, внести необходимые изменения в часть 5 статьи 12 Закона РА “О государственной и служебной тайне”, имея в виду, что в случае необходимости внесения новых изменений в перечень сведений, причисляемых к ряду государственной тайны, Президент РА больше не сможет утвердить эти изменения в соответствии с ранее действующей процедурой.

8. Конституционный Суд считает важным также обращение к вопросу правомерности непубличного характера расширенных ведомственных перечней подлежащих засекречиванию сведений. Его нужно рассмотреть в свете общей логики правового регулирования Закона РА “О государственной и служебной тайне” относительно процесса засекречивания сведений, а также правового регулирования установления уголовной ответственности за раскрытие и распространение государственной тайны, учитывая также международные обязательства РА.

В статье 3 Закона РА “О государственной и служебной тайне”, в которой раскрыто содержание употребляемых в Законе понятий, понятие “засекречивание сведений” определено как “применение ограничений к сведениям, составляющим государственную и служебную тайну, и к распространению носителей таких сведений”.

Статья 13 Закона, озаглавленная “Засекречивание сведений”, устанавливает, что засекречивание выражается в виде определения степени секретности каждого отдельного сведения и придания грифа секретности соответствующему носителю информации в порядке, установленном Правительством РА.

Сопоставляя указанные нормы Закона с данным в статье 2 определением понятия государственной и служебной тайны, Конституционный Суд констатирует, что из общей логики правового регулирования Закона относительно правового регулирования процесса засекречивания сведений следует, что ограничения в установленном порядке применимы в отношении сведений, распространение которых может привести к тяжелым последствиям для безопасности Республики Армения.

Исходя из вышеупомянутого, формулировка “ведомственные перечни засекречиваются”, нашедшая место в оспариваемой части 7 статьи 12 Закона, означала бы применение ограничений в отношении этих перечней, обусловленное тем обстоятельством, что раскрытие их содержания может привести к тяжелым последствиям для безопасности Республики Армения. Между тем как ведомственные перечни лишь детализируют предусмотренные Законом и утвержденные Правительством РА сферы, указанные в публичных перечнях.

Что касается таких возможных ситуаций, когда заглавие (название) конкретного включаемого в ведомственные перечни сведения са-

мо по себе неизбежно может уже в силу факта закрепления представлять собой государственную тайну, то в таких ситуациях, в соответствии с вытекающими из Закона принципами засекречивания, в частности с принципом обоснованности засекречивания, оно может рассматриваться как сведение, распространение которого может привести к тяжелым последствиям для безопасности Республики Армения, и засекречиваться как конкретное сведение.

Кроме этого, как Конституционный Суд РА, так и Европейский суд по правам человека, обращаясь к стандартам правомерных ограничений свободы поиска и получения сведений, выразили правовую позицию о том, что в первую очередь правовая основа ограничения этой свободы должна удовлетворять качествам доступности и предсказуемости. Значимость этих требований, касающихся правовой основы ограничения, еще более подчеркивается, когда вмешательство в указанную свободу проявляется в форме привлечения лица к уголовной ответственности за распространение соответствующих сведений.

Уголовный кодекс РА предусматривает несколько составов преступлений, касающихся распространения государственной тайны, в частности: “государственная измена” (статья 299 УК РА), “шпионаж” (статья 302 УК РА), “разглашение государственной тайны” (статья 306 УК РА). Принимая за основание то обстоятельство, что правовым основанием для осуждения лица за указанные деяния, в дополнение к Закону РА “О государственной и служебной тайне” и утвержденному Правительством РА публичному перечню подлежащих засекречиванию сведений, может служить и сведение, засекреченное тем или иным засекреченным ведомственным перечнем, Конституционный Суд находит, что засекречивание помимо сведений также ведомственных перечней может препятствовать субъектам права предвидеть правовые последствия своих действий, в частности иметь в виду, что распространенные сведения являются государственной тайной, приводя к уголовной ответственности.

К этой проблеме обратился также ряд международных организаций. В частности, Парламентская ассамблея Совета Европы в пункте 10.2 Резолюции номер 1551 (2007) “Проблемы справедливого рассмотрения в судах уголовных дел, касающихся шпионажа и разглашения государственной тайны” установила следующий принцип: “... законодательные акты, касающиеся охраны государственной тайны,

включая перечни секретных тем, являющиеся основанием для привлечения к уголовной ответственности, должны быть конкретными и при этом публично доступными. Секретные постановления, устанавливающие уголовную ответственность, не могут считаться соответствующими правовым стандартам Совета Европы и должны быть отменены во всех государствах-членах”.

Одновременно в Постановлении Европейского суда по правам человека по делу Штоль против Швейцарии (10 декабря 2007 г., пункт 44, *Stoll v. Switzerland*) имеется ссылка на проведенный докладчиком по линии вышеупомянутой Резолюции сравнительный анализ законодательств относительно государственной тайны в государствах-членах Совета Европы, в котором, в частности, говорится: “... В сущности, можно выделить три основных подхода: первый состоит в кратком и общем определении понятия служебной или государственной тайны (или ее эквивалента), которое конкретизируется в зависимости от конкретного случая. Второй подход предполагает длинные и более детальные перечни определенных видов секретных сведений. Третий подход объединяет два других, определяя общие сферы, в которых информация может быть классифицирована как “секретная”, и далее отсылая к административным или министерским актам для большей конкретизации того, какие виды информации действительно считаются секретными. ... Следует отметить, что каждый из этих законодательных подходов дает разумный ответ на трудную задачу по заблаговременному определению видов информации, защита которых является законным интересом государства, соблюдая при этом право на свободу получения и распространения информации и принимая во внимание необходимость обеспечения правовой безопасности. Однако любой административный или министерский акт, который конкретизирует сформулированные в более общей форме законы, должен, как минимум, быть общедоступным”.

Исходя из вышеизложенного, учитывая также практику конституционного правосудия разных стран, Конституционный Суд РА находит, что **засекречивание ведомственных перечней** по существующей процедуре находится вне рамок общей логики правового регулирования Закона РА “О государственной и служебной тайне” **по засекречиванию сведений**, и их непубличный характер постольку, поскольку не касается конкретного подлежащего засекречиванию све-

дения, не преследует правомерную цель защиты интересов государственной безопасности и порождает проблемы в сфере защиты прав человека.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Подпункт “е” части 4 статьи 8 и часть 6 статьи 12 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне” соответствуют Конституции Республики Армения.

2. Положение части 7 статьи 12 Закона Республики Армения “О государственной и служебной тайне” “ведомственные перечни засекречиваются и не подлежат опубликованию” постольку, поскольку оно не касается конкретного подлежащего засекречиванию сведения, признать противоречащим требованиям статей 27 и 43 Конституции Республики Армения и недействительным.

3. Исходя из требований пункта 9.1 статьи 64 и части 12 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде”, вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру на основании вновь открывшегося обстоятельства в установленном законом порядке, учитывая также, что Административный суд РА в вынесенном 23.11.2010 г. решении по судебному делу N4/1314/05/10, не учитывая требование статьи 93 Конституции РА, превысил свои полномочия, констатировал, что “последний абзац статьи 12 Закона РА “О государственной и служебной тайне” не противоречит статье 6 и пунктам 1, 2, 3, 5 и 6 статьи 83.5 Конституции РА”.

4. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

6 марта 2012 года
ПКС-1010

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 138 КОДЕКСА
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ГРАЖДАНИНА ШАВАРША МКРТЧЯНА И ДРУГИХ**

г. Ереван

11 апреля 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна (докладчик), А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителя стороны-заявителя К. Междумяна,
привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА — главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Мхитарян и ведущего специалиста А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38, 68 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия статьи 138 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Шаварша Мкртчяна и других”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА обращение гражданина Шаварша Мкртчяна и других от 17.01.2012 г.

Изучив сообщение докладчика по делу, объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Кодекс административного судопроизводства Республики Армения, другие акты законодательства относительно правового регулирования оспариваемого вопроса и международную правовую практику, принятые Республикой Армения международные обязательства, а также имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Кодекс административного судопроизводства РА принят Национальным Собранием РА 28 ноября 2007 года, подписан Президентом РА 10 декабря 2007 года и вступил в силу с 1 января 2008 года.

Оспариваемая в рамках настоящего дела статья 138 Кодекса, озаглавленная “Особенности рассмотрения исковых заявлений”, устанавливает:

“Суд рассматривает дела, предусмотренные статей 135 настоящего Кодекса по письменной процедуре, за исключением случаев, когда данное дело, по оценке Суда, приобрело широкую общественную огласку или его устное разбирательство будет способствовать скорейшему раскрытию обстоятельств дела”.

2. Процессуальная предыстория дела, являющаяся предметом рассмотрения, сводится к следующему: Шаварш Мкртчян и другие обратились с иском в Административный суд РА против Правительства РА с просьбой признать недействительным Постановление Правительства РА от 26.06.2009 г. номер 944-Н “О признании земельных участков, являющихся собственностью граждан сельской общины Алидзор Сюникского марза Республики Армения, исключительно приоритет-

ным общественным интересом и изменении целевого назначения земель”. Административный суд, принимая за основание статью 138 Кодекса административного судопроизводства РА, принял заявление к рассмотрению по письменной процедуре. Сторона-заявитель заявила ходатайство о публичном рассмотрении дела, в котором Суд отказал, считая, что отсутствуют установленные статьей 138 Кодекса административного судопроизводства РА необходимые основания для устного разбирательства, и 01.03.2010 г. опубликовал решение номер N4/4396/05/09 об отклонении требования о признании недействительным Постановления Правительства РА от 26.06.2009 г. номер 944-Н. На основании части 1 статьи 141 Кодекса административного судопроизводства РА Кассационный Суд РА своим решением от 05.05.2010 г. возвратил поданную против этого решения кассационную жалобу, отметив также, что по делам об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов акты административного суда могут быть обжалованы в Кассационный Суд РА только на основании нарушения материального права. Постановлением Конституционного Суда РА ПКС-936 часть 1 статьи 141 Кодекса административного судопроизводства РА в той части, которой блокируется право лица на обжалование на основании нарушения нормы процессуального права судебных актов административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов, признана противоречащей статьям 3, 18 и 19 Конституции РА и недействительной. Принимая за основание упомянутое Постановление Конституционного Суда, заявители на основании нового обстоятельства подали кассационную жалобу, которая Решением Кассационного Суда от 29.07.2011 г. удовлетворена частично, а на основании нарушения процессуального права заявителей отклонена, и Решение Административного суда РА от 01.03.2010 г. оставлено в законной силе. Одновременно Кассационный Суд РА нашел позицию Административного суда РА об отказе в ходатайстве о рассмотрении дела по устной процедуре мотивированной и обоснованной, так как по делу не было обосновано наличие одного из случаев, установленных статьей 138 Кодекса административного судопроизводства РА, а именно дело приобрело широкую общественную огласку или его устное рассмотрение будет способствовать скорейшему раскрытию обстоятельств дела.

3. Сторона-заявитель находит, что оспариваемая норма в толковании Административного суда РА и Кассационного Суда РА не соответствует Конституции РА, так как “правило рассмотрения дела по письменной процедуре, предусмотренное статьей 138 Кодекса административного судопроизводства РА, не может считаться правом суда на опубликование судебного акта без публичного судебного разбирательства” и не следует из требований статьи 19 Конституции РА и статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод “и нарушается гарантированное ими право истцов”. Право на публичное разбирательство дела является конституционным правом лица, “случаи ограничения которого перечислены той же Конституцией, каковые в этом случае отсутствуют, а согласно статье 3 Конституции это является высшей ценностью и государство ограничено этим правом”. Вопреки вышеуказанному конституционному и гарантированному Конвенцией принципу, как находит сторона-заявитель, Административный суд РА в зале заседаний Суда не осуществил публичное рассмотрение дела с участием сторон и “без публичного судебного разбирательства должен опубликовать судебный акт, разрешающий дело по существу, чем и нарушаются вышеуказанные права нашей стороны”. Сторона-заявитель находит также, что подобным подходом Суда они лишаются возможности представления доказательств в Суд. Кроме этого, “Суд отождествил, следовательно, смешал друг с другом два разных принципа: конституционный принцип публичности, который гарантирует открытое рассмотрение дел, устанавливая в качестве исключения случаи закрытых судебных заседаний, и принцип устности, который касается случаев рассмотрения дел по устной или письменной процедуре”. Согласно заявителю, “принцип публичности не отождествляется с рассмотрением дела по устной или письменной процедуре, в частности дело может рассматриваться устно в закрытом заседании, что будет соблюдением требования устности, но нарушением принципа публичности, если отсутствуют основания для закрытого заседания, установленные Конституцией и Конвенцией”. В результате, как находит сторона-заявитель, “для Административного суда появляется возможность под предлогом рассмотрения дел об оспаривании нормативных актов по письменной процедуре рассматривать их без публичного судебного разбирательства, в частности: спустя некоторое время после получения искового заявления, без публично-

го или закрытого судебного разбирательства”, чем нарушаются права участвующих в деле лиц, гарантированные статьей 19 Конституции РА и статьей 6 Конвенции.

4. Ответчик находит, что статья 138 Кодекса административного судопроизводства РА соответствует статьям 3, 18 и 19 Конституции РА по следующему обоснованию: учитывая важность публичности с точки зрения реализации права лица на справедливое судебное разбирательство, публичность судебного разбирательства повышена до уровня конституционного принципа правосудия и нашла свое отражение как в международных правовых документах, закрепляющих независимость судебной системы и гарантии защиты прав человека, так и во внутрисударственном законодательстве. Согласно стороне-ответчику, “публичность выступает в широком и узком смыслах. Публичность в широком смысле означает присутствие граждан и средств массовой информации при рассмотрении дела, а в узком смысле – присутствие сторон и участвующих в деле лиц на судебном разбирательстве”. Устность судебного разбирательства также является одним из процессуальных принципов, “который дает возможность обеспечивать более полную реализацию принципа публичности в ходе судебного разбирательства”. Процессуальные принципы, пусть и самостоятельно, своим содержанием характеризуют тот или иной институт (этап) судопроизводства, но одновременно находятся в тесной взаимосвязи, образуют одну единую логико-правовую систему. Сторона-ответчик находит также, что “устная форма рассмотрения дел является предпосылкой осуществления принципа публичности”. Устность ясна и доступна всем участникам судопроизводства, что дает возможность суду и участвующим в деле лицам “легко воспринимать обстоятельства дела, правильно оценивать их, а присутствующим на судебном заседании гражданам и представителям СМИ – ознакомиться с рассматриваемым делом, осуществлять контроль за деятельностью суда. Благодаря устности все участники судопроизводства могут осуществлять живой и быстрый обмен мыслями”. Одновременно, согласно стороне-ответчику, по обоснованным причинам ведение судопроизводства применением только принципа устности невозможно, и, учитывая особенности некоторых дел, их более эффективное рассмотрение может осуществляться в письменной форме, и отсутствие устной процедуры оправдывается, ес-

ли суд рассматривает исключительно вопросы права, при котором “представление доказательств является не только правом стороны, но и обязанностью”. Согласно стороне-ответчику, Кодекс административного судопроизводства РА дает возможность представлять дополнительные доказательства после окончания подготовки дела к рассмотрению, а также предоставляет истцу право изменить основание или предмет иска до назначения судебного разбирательства.

5. В рамках настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым раскрыть:

- содержание и особенности законодательного гарантирования письменной процедуры, как процессуальной формы реализации конституционного права на справедливое и публичное судебное разбирательство;
- содержание и особенности международно-правовой (европейской) практики судебного разбирательства по письменной процедуре и прецедентного права Европейского суда по правам человека в этой области;
- гарантирование защиты прав (в том числе процессуальных) участников в условиях судебного разбирательства по письменной процедуре по делам, подсудным Административному суду, как в оспариваемых, так и в иных системно взаимосвязанных с ними нормах.

6. Согласно статье 19 Конституции РА каждый для восстановления своих нарушенных прав имеет право на публичное рассмотрение своего дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом. Это право гарантировано также Европейской конвенцией по правам человека (далее Конвенция), согласно части 1 статьи 6 которой каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное судебное разбирательство в разумный срок. Причем, минимальными и важными гарантиями реализации этого права являются **публичное судебное разбирательство** (в частности: публичные сведения о рассматриваемом деле суде, являющемся предметом спора деле, месте, времени рассмотрения, порядке судебного разбирательства и ином), а также **обязательное опубликование судебного акта**.

В соответствии со статьей 3 Конституции РА, а также в рамках принятых международных обязательств задачей государства является обеспечивать законодательством отправление правосудия такими процессуальными правилами, которыми будут гарантированы необходимые правовые условия реализации права на публичное судебное разбирательство, в том числе также применением разнообразия процессуальных форм рассмотрения дел в суде, исходя из особенностей рассматриваемых дел и необходимости их справедливого, быстрого и эффективного разрешения. Целью последнего обусловлено наличие таких процедурных форм судебного разбирательства дел, каковыми являются **устная и письменная процедуры** судебного разбирательства или принципы устного и письменного рассмотрения. В условиях письменной процедуры рассмотрение дела осуществляется без “устных слушаний”, без непосредственного участия сторон, что обусловлено рядом процессуальных особенностей.

В сформировавшейся международной законодательной практике и практике правосудия оба вышеотмеченных принципа судебного разбирательства обозначены в равной степени и имеют различные проявления, что обусловлено данной правовой системой, механизмом судебной системы, содержанием функций органов, отправляющих правосудие, а также особенностями конкретных дел, рассматриваемых в судах, волеизъявлением сторон судопроизводства и предусмотренными внутригосударственным законодательством иными обстоятельствами. Комплексное изучение этой практики в принципе приводит к следующему:

- принципы устного и письменного рассмотрения судебного разбирательства в равной степени применимы во всех сферах правосудия (общей юрисдикции (по уголовным и гражданским делам) административного, конституционного и иного специализированного правосудия);
- если устная процедура рассмотрения принципиально применима без исключения, то судебное разбирательство по письменной процедуре ведется в особых случаях и при наличии определенных обстоятельств, в частности:

1/ когда отсутствует необходимость устного рассмотрения фактических обстоятельств по судебному делу или если устное изучение (рассмотрение) представленных в суд материалов (документы и иное) не

будет способствовать дальнейшему уточнению оспариваемого вопроса и если оно не противоречит общепризнанным принципам защиты прав и основных свобод человека;

2/ имеется судебное решение об организации рассмотрения дела по письменной процедуре, вынесенное по ходатайству сторон судопроизводства или без него;

3/ на этапе подготовки судебного разбирательства, когда обсуждается вопрос приемлемости обращения;

4/ с целью предотвращения угрозы общественным интересам или в иных необходимых целях в случаях решения судом вопроса о применении временных мер;

5/ по решению суда при наличии ходатайства сторон судопроизводства о неучастии в судебном разбирательстве;

6/ если суд посчитал необходимым вынести решение на основании имеющихся в деле письменных документов;

7/ если выяснение связанных с делом обстоятельств иным образом (устным рассмотрением) невозможно;

8/ с целью обеспечения быстрого судебного разбирательства по делу;

9/ только при необходимости вынесения решения по вопросам права или процедурным вопросам;

10/ при рассмотрении дел (жалоб, протестов) вышестоящей судебной инстанцией (апелляционной, кассационной), если иной порядок не предусмотрен;

11/ если рассмотрение дела не приводит к какой-либо фактической или правовой проблеме, и факты уточнены;

12/ если решение суда не будет содержать правовые оценки;

13/ если рассматриваемое в суде обращение безоговорочно обоснованно или явно необоснованно, и суд находит, что нет необходимости в устном рассмотрении;

14/ при рассмотрении споров относительно публичного права;

15/ если отсутствует правовой спор между сторонами или сторона-ответчик согласна с представленными в суд требованиями.

Вышеупомянутые правовые условия отражены также в прецедентном праве Европейского суда по правам человека. В частности, Европейский суд акцентировал, что закрепленное статьей 6 Конвенции право на публичное рассмотрение дела по необходимости вклю-

чает право на “устное слушание”. Тем не менее, обязательство проведения подобных слушаний не является абсолютным. Так, отсутствие устного рассмотрения может быть совместимо с требованиями статьи 6, когда подлежащий рассмотрению вопрос не поднимает такой вопрос в связи с фактом или правом, который может быть разрешен в надлежащей форме на основании материалов дела без устных замечаний сторон (Elsholz v. Germany, Judgment of 13 July 2000, p.66, Fredin v. Sweden (no. 2), Judgment of 23 February 1994, pp. 21-22; Fischer v. Austria, Judgment of 26 April 1995, p. 44).

Практика Европейского суда по правам человека, по смыслу статьи 6 Конвенции, оценивает письменное судебное разбирательство как справедливое и публичное, если:

- обусловлено исключительными обстоятельствами;
- проводится в разумные сроки, а также исходя из соображений обеспечения быстрого судебного разбирательства;
- обусловлено особенностью рассматриваемого дела;
- принципиально применяется при разрешении вопросов о праве, а также при рассмотрении таких фактических обстоятельств, каковые оправданы в условиях письменной процедуры.

Следовательно, при определении конституционности оспариваемых по настоящему делу норм Конституционный Суд руководствуется также необходимостью оценки их соответствия вышеперечисленным критериям.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что как письменная, так и устная процедуры судебного разбирательства являются организационно-процедурными формами отправления правосудия, которые, внедряясь в практику правосудия правовым закреплением, призваны в одном случае осуществлять судебные действия без “устных слушаний”, в другом случае – обеспечивать их осуществлением справедливое, эффективное и публичное рассмотрение судебных дел, вынесение судебных актов и их опубликование. Во всех случаях судебное разбирательство дел и по устной, и по письменной процедуре должно обеспечивать необходимые гарантии реализации прав участников судебного разбирательства.

7. В правовой системе РА институт письменной процедуры судебного разбирательства внедрен в сферы конституционного, а также

административного правосудия и призван гарантировать справедливое, публичное судебное разбирательство по определенным специфическим делам и при специфических обстоятельствах. В рамках административного судопроизводства рассмотрение по письменной процедуре может быть организовано волеизъявлением сторон по делу или по инициативе суда, при наличии определенных оснований. Эта процедура по административно-судебным делам применяется при проведении ускоренного судебного разбирательства (пункт 3 части 1 статьи 108 Кодекса административного судопроизводства РА), при рассмотрении апелляционных жалоб против судебных актов (в том числе промежуточных) административного суда (части 3, 4 и 5 статьи 117.10 Кодекса административного судопроизводства РА), при пересмотре в порядке кассации решений, вынесенных Апелляционным судом в результате пересмотра промежуточных судебных актов Административного суда (часть 3 статьи 118 Кодекса административного судопроизводства РА), при рассмотрении дел об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов (в том числе по делам, предусмотренным в статье 147 Кодекса административного судопроизводства РА), за исключением тех случаев, когда данное дело, по оценке суда, приобрело широкую общественную огласку или его устное разбирательство будет способствовать скорейшему раскрытию обстоятельств дела (статья 138 Кодекса административного судопроизводства РА), а также при рассмотрении искового заявления о даче платежного поручения (часть 1 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА).

Следует отметить, что, в отличие от правил письменного рассмотрения, обобщенных в вышеупомянутых статьях Кодекса, правила устного рассмотрения или общий порядок судебного разбирательства (в форме систематизированных норм) в административных судах предусмотрен главой 16 Кодекса.

8. Обращаясь к конституционности оспариваемой по данному делу нормы, Конституционный Суд констатирует, что согласно нормам, включенным в главу 24 Кодекса административного судопроизводства РА, в том числе статье 138, производство по делам об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов (перечисленных в статье 135 Кодекса), как правило, Административный суд ведет по письмен-

ной процедуре, за исключением тех случаев, когда данное дело, по оценке суда, приобрело широкую общественную огласку или его устное разбирательство будет способствовать скорейшему раскрытию обстоятельств дела. Как следует из содержания упомянутого правового регулирования, законодатель посчитал разбирательство по письменной процедуре обязательным по тем делам, когда объективно перед судом поставлен **вопрос о содержании предусмотренного нормативным актом права (правомерности правового положения), его единообразном и точном понимании и толковании**, решение которого требует, в первую очередь, изучение оспариваемого нормативно-правового акта Административным судом, его сравнительно-правовой анализ с положениями нормативных актов, имеющих более высокую юридическую силу и т. д. То есть, по таким делам (вытекающим из публично-правовых споров) суд, как правило, не нуждается в публично-устном осуществлении судебного разбирательства при непосредственном участии сторон, которое продиктовано целью организации эффективного судебного разбирательства. Одновременно, учитывая конкретные и юридически аргументированные обстоятельства, исходя из необходимости обеспечения более широкого участия общества в рассмотрении данного дела или наиболее непосредственного контроля общественности за судебным разбирательством, а также организации более быстрого рассмотрения, суд правомочен мотивированным решением организовать рассмотрение дела по письменной процедуре. Кроме этого, исходя из конкретных обстоятельств, а также иных вышеупомянутых соображений, Административный суд правомочен по своему усмотрению или мотивированным ходатайством сторон в рамках рассмотрения одного и того же дела совместить устные и письменные процедурные формы (например по основаниям, предусмотренным статьями 108, 111 и 138 Кодекса административного судопроизводства РА), имея цель обеспечить более эффективное и быстрое выяснение обстоятельств дела.

Следует также иметь в виду, что даже при устном рассмотрении выяснение обстоятельств дела в суде происходит не только посредством “устных слушаний”, но и посредством изучения письменных доказательств. Следовательно, Конституционный Суд находит, что в рамках оспариваемого по данному делу правового регулирования принцип устного рассмотрения не является абсолютным.

9. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что выдвинутые по данному делу вопросы, согласно общему содержанию позиций, выраженных стороной-заявителем, требуют раскрыть также правовое содержание взаимосвязей применимости принципов устного и письменного судебного разбирательства, а также принципа доступности правосудия для общества.

Конституционный Суд находит, что публичность судопроизводства в первую очередь означает возможность осуществления общественного контроля за судопроизводством и принятыми судом актами.

Одновременно Конституционный Суд считает необходимым отметить, что “кажущееся столкновение” принципов письменной процедуры судебного разбирательства и публичности судебного разбирательства тем более очевидно в том случае, когда в контексте гарантии публичного рассмотрения, предусмотренного статьей 19 Конституции РА, любое правовое положение, исключаяющее принцип устности, лишь с виду может показаться спорным. Однако применение письменной процедуры судебного разбирательства не может рассматриваться как нарушение гарантий осуществления основополагающих принципов правосудия при его осуществлении с согласия сторон, а также в тех предусмотренных законом случаях, когда отпала необходимость в выслушивании эксперта, допросе свидетелей, проведении осмотра, даче судебных поручений (пункт 3 части 1 статьи 108, часть 5 статьи 117.10 КАС РА). С другой стороны письменное разбирательство исключается, когда есть четко предусмотренные законом обязательные обстоятельства проведения устного разбирательства. Конституционный Суд находит также, что судебное разбирательство по письменной процедуре, по смыслу части 1 статьи 19 Конституции РА, не может толковаться как отправление правосудия по принципу непубличности, тем более толковаться как средство игнорирования нормативных условий части 2 статьи 19 Конституции РА, если оно осуществляется по четко установленной процедуре, гарантируя эффективную реализацию прав участников судебного разбирательства.

Согласно принципу, закрепленному в прецедентном праве Европейского суда по правам человека, также первоочередными элементами публичного судебного разбирательства (независимо от процедурной формы осуществления) являются проведение рассмотрения обстоятельств дела (или “устных слушаний”) и опубликование реше-

ния. Согласно позиции этого Суда “все государства-члены Совета Европы признают принцип публичности, однако их законодательные системы и судебная практика имеют определенные различия как в аспекте объема, так и **способа реализации**, связанные с проведением слушаний и опубликованием судебных решений. Тем не менее, формальная сторона вопроса, по сравнению с целью, лежащей в основе требований публичности, предусмотренных пунктом 1 статьи 6, имеет **второстепенное значение**” (Sutter v. Switzerland Judgment of 22 February 1984, p. 27, Adolf v. Austria Judgment of 26 March 1982, para. 30, Pretto and others v. Italy Judgment of 8 December 1983, para. 23, and Axen v. Germany Judgment of 8 December 1983, para. 25).

Отсюда следует, что при рассмотрении вопроса права Административный суд, будучи обязанным соблюдать гарантированный статьей 19 Конституции РА принцип публичности правосудия, исходя из конкретных обстоятельств дела, компетентен, а в предусмотренных Кодексом случаях обязан в одном случае применить (с целью сделать обстоятельства рассмотрения дела более доступными для общества), или не применить средства более широкого применения этого принципа, в другом случае — организовать более быстрое и эффективное судебное разбирательство.

Конституционный Суд находит, что во всех вышеперечисленных случаях законодатель обязал Административный суд независимо от особенностей рассматриваемого дела и иных обстоятельств, являющихся основанием для разрешения дела в ходе письменного разбирательства, **безоговорочно осуществлять справедливое, эффективное и публичное рассмотрение дел**, следовательно, подобное правовое регулирование преследует конституционно-правовую цель.

10. Считая необходимым в рамках настоящего дела выяснить также вопрос гарантирования оспариваемым правовым регулированием прав участников судопроизводства, необходимо констатировать, что, как следует из анализа норм, включенных в главу 24 Кодекса административного судопроизводства РА и иных системно взаимосвязанных с ними норм, и при рассмотрении дел по письменной процедуре участники судопроизводства (в том числе стороны) не ограничены в реализации своих процессуальных прав и исполняют соответствующие обязанности (статьи 15, 16, 19, 25, часть 4 статьи 26,

часть 4 статьи 36, статьи 39, 42, 43, 44, 48, 83, 84, 85 Кодекса административного судопроизводства РА), которые могут быть реализованы, **учитывая особенности письменного производства**, в частности в тех случаях, когда вопрос касается совершения процессуальных действий (исследования доказательств, как установлено правилами, предусмотренными в главе 7 Кодекса административного судопроизводства РА) и прав и обязанностей, имеющих отношение к этому участников. Следовательно, **Конституционный Суд находит, что и применением этих особенностей основная нормативная сущность прав и обязанностей участников не меняется**. Иначе, как следует из вышеупомянутого анализа, и в случае письменной процедуры законодатель гарантировал **соблюдение правил состязательности судебного разбирательства** (в том числе нормативных требований главы 2 Кодекса). А вынесенные по подобной процедуре судебные акты, как следует из содержания вышеупомянутых норм, безоговорочно подлежат как **опубликованию** (к сведению сторон), так и **официальному опубликованию** (к сведению общественности) (статья 142 Кодекса административного судопроизводства РА). То есть, полные тексты этих актов принципиально делаются доступными так же, как были бы представлены в результате устных слушаний. Одновременно за вынесением и опубликованием актов в результате судебного разбирательства по письменной процедуре следуют предусмотренные законом необходимые правовые последствия (статья 140 Кодекса административного судопроизводства РА), которые доступны и ценимы как для сторон судопроизводства, так и для общественности, и эти акты **подлежат пересмотру** в порядке, установленном правилами, предусмотренными в статье 141, главах 19.1, 20, 22 и разделе 4 Кодекса.

II. Конституционный Суд считает необходимым также рассмотреть вопрос гарантирования прав участников судопроизводства по делам, рассматриваемым по письменному принципу, в контексте возможностей их проявления в рамках особенностей осуществления этих прав и судебного усмотрения, учитывая то обстоятельство, что в отличие от устного производства (глава 16 Кодекса), а также практики конституционного правосудия РА, в Кодексе административного судопроизводства РА не конкретизированы и не систематизированы правила письменного производства. Их отсутствие хотя непосредствен-

но не вызывает вопроса конституционности, однако может стать препятствием для гарантирования прав лиц, а также для справедливого и публичного судебного разбирательства. В рамках подобного разбирательства возможные правовые (четко предсказуемые) средства осуществления гарантированных Кодексом процессуальных прав неясны и, по существу, могут разрешаться в рамках абсолютного усмотрения суда.

Конституционный Суд находит, что в административном судопроизводстве РА имеется пробел правового регулирования, связанный с отсутствием четкого порядка производства по письменной процедуре. Преодоление этого пробела – вопрос компетенции законодательного органа, который может реализоваться предусмотрением правил письменной процедуры в Кодексе административного судопроизводства РА, в том числе:

- порядок подготовки и проведения письменного производства;
- порядок реализации предоставленных Кодексом административного судопроизводства РА прав участников судопроизводства /связанных с представлением письменных доказательств, дополнительными материалами, объяснениями, аргументами (контраргументами), ходатайствами и сроками их представления и с совершением иных процессуальных действий в ходе всего судопроизводства/;
- порядок вынесения промежуточных судебных актов в рамках письменного производства;
- круг необходимых действий суда в ходе письменного судебного разбирательства /связанный с организацией и порядком (сроками) документооборота, с одной стороны, между участниками, а с другой – между участниками и судом/;
- порядок протоколирования разбирательства по письменной процедуре и ознакомления с ним;
- порядок вынесения решения по существу дела и его опубликования в результате рассмотрения по письменной процедуре.

Следовательно, исходя из конституционно-правового содержания оспариваемых норм и системно взаимосвязанных с ними иных норм, сопоставляя общее правовое регулирование процедуры письменного рассмотрения в сфере административного правосудия РА с правом на справедливое и публичное судебное разбирательство и с принципами

и подходами применения процедурных форм его гарантирования, закрепленными в международной правовой практике, а также с общим нормативным содержанием статьи 19 Конституции РА, одновременно считая необходимым восполнение законодательным органом пробела, существующего в административном судопроизводстве РА, Конституционный Суд находит, что статья 138 Кодекса административного судопроизводства РА сама по себе не может вызвать вопроса конституционности.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Статья 138 Кодекса административного судопроизводства РА соответствует Конституции Республики Армения.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

11 апреля 2012 года
ПКС-1020

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 208 ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ГРАЖДАНКИ НЕЛЛИ МКРТЧЯН**

г. Ереван

18 июля 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна (докладчик), А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителя заявителя адвоката Г. Торосяна,
привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА - главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Мхитарян, ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращения гражданки Нелли Мкртчян”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 06.03.2012 г. обращение гражданки Н. Мкртчян.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 17 июня 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 7 августа 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Часть 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РА, озаглавленной “Ограничения на принесения апелляционной жалобы”, устанавливает: “Апелляция по гражданским делам об имущественном требовании допускается, только если стоимость предмета спора по данному делу превышает пятидесятикратный размер минимальной заработной платы”.

2. Процессуальная предыстория дела сводится к следующему: заявитель 08.12.2010 г. представила исковое заявление в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана против ОАО “Гостиница Ереван” о взыскании суммы, неосновательно удержанной из заработной платы.

Заявитель сообщила суду, что с 24 марта по 27 июля 2009 года она работала в ОАО “Гостиница Ереван” регистратором согласно трудовому договору. Была уволена в связи с истечением срока договора. 07.09.2009 г. повторно принята на работу в ОАО “Гостиница Ереван” регистратором и уволена с работы 8 октября 2010 г. На этот

срок с ней не был заключен новый трудовой договор, и ее уведомили, что действует трудовой договор, заключенный 24.03.2009 г. При окончательном расчете выяснилось, что с нее удержали 45.000 /сорок пять тысяч/ драмов РА в качестве штрафа. Исходя из вышеизложенного, заявитель попросила суд взыскать с ОАО “Гостиница Ереван” вышеупомянутые 45.000 /сорок пять тысяч/ драмов РА.

Суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана своим решением от 07.06.2011 г. иск отклонил.

Против указанного решения заявитель принесла апелляционную жалобу.

Гражданский апелляционный суд РА своим решением от 25.07.2011 г. возвратил апелляционную жалобу с такой мотивировкой, что часть 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РА не позволяет обжаловать судебные акты, по которым стоимость имущественного требования не превышает пятидесятикратный размер минимальной заработной платы, а стоимость предмета спора по данному гражданскому делу составляет 45.000 /сорок пять тысяч/ драмов РА, то есть “по настоящему имущественному требованию апелляция не допускается”.

Кассационную жалобу заявителя, принесенную против решения Гражданского апелляционного суда РА от 25.07.2011 г., Кассационный Суд РА своим решением от 07.09.2011 г. возвратил, переутвердив правовые позиции, выраженные Гражданским апелляционным судом РА.

3. Оспаривая конституционность части 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РА, заявитель находит, что она противоречит статьям 1, 3, 18, 19 и 20 Конституции РА.

Ссылаясь на упомянутые статьи Конституции и цитируя статью 6 Конституции, статью 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, заявитель утверждает, что единство указанных положений составляет содержание прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Согласно заявителю, право на судебную защиту предполагает не только гарантированную государством возможность обращения в суд с требованием о защите и восстановлении нарушенных или оспариваемых прав, но и возможность обжа-

вания судебных актов. Согласно заявителю, если каждое заинтересованное лицо имеет право обращаться в суд с требованием о защите нарушенного права, то участники гражданского оборота обращаются в суд первой инстанции посредством представления искового заявления /заявления/, а в вышестоящие судебные инстанции — посредством принесения апелляционной или кассационной жалобы. Из этого заявитель делает заключение, что право обжалования судебных актов непосредственно вытекает из содержания права лица на судебную защиту, обязанность обеспечения которого лежит на государстве. Воспроизводя содержание статьи 3 Конституции РА, заявитель заключает, что правовая система РА должна содержать необходимые для осуществления права на обжалование судебных актов механизмы, к которым также относятся апелляционная и кассационная формы пересмотра судебных актов.

Ссылаясь также на правовые позиции, выраженные Конституционным Судом РА в Постановлении ПКС-765, а также в Постановлениях ПКС-652, ПКС-665, ПКС-673, ПКС-719, ПКС-758, ПКС-780, заявитель находит, что судебный пересмотр необходимо рассматривать как механизм обеспечения реализации прав на апелляционное или кассационное обжалование, которое одновременно предоставляет возможность гарантировать вынесение законных и обоснованных судебных актов, единообразное применение закона, защиту прав, свобод и законных интересов участников гражданского оборота.

Заявитель отмечает, что Конституция РА закрепила неограниченное право на судебную защиту, причем статьи 18 и 19 Конституции в части права на судебную защиту не содержат ссылок на конкретный закон, и Гражданским процессуальным кодексом всего лишь должны были быть установлены порядок и условия осуществления этого права, не ограничивая положения Конституции РА.

По утверждению заявителя, в данном случае весьма неопределенной является также тенденция или цель ограничения права на обжалование 50 000 (пятьюдесятью тысячами) драмами РА. Если для подобного ограничения за основание принято то обстоятельство, что сумма небольшая, то заявитель обращает внимание на то обстоятельство, что минимальная заработная плата в Республике Армения согласно статье 1 Закона РА “О минимальной заработной плате” составляет 32 500 драмов, а согласно данным Национальной статис-

тической службы РА, стоимость минимальной потребительской корзины в Республики Армения составляет 43.499.8 драмов.

Заявитель обращает внимание также на то обстоятельство, что оспариваемая норма Кодекса не предусматривает исключений обжалования, например, возможность обжалования в случае определенных грубых процессуальных нарушений.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что часть 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РА соответствует Конституции РА. В качестве обоснования своей позиции сторона-ответчик ссылается на отдельные рекомендации Комитета министров Совета Европы и прецедентное право Европейского суда по правам человека, заключая, что оспариваемое правовое регулирование вытекает из международных правовых подходов и не направлено на исключение реализации права на доступность правосудия. В принципе обеспечена возможность пересмотра судебных актов суда первой инстанции в Апелляционном суде. Оспариваемая норма ограничивает не конституционное право лица на подачу жалобы, а ограничивает реализацию права апелляции только по тем делам, по которым предмет спора составляют исковые требования на небольшие суммы.

Ответчик отмечает, что в пункте а/ статьи 1, озаглавленной “Право на судебный контроль”, Рекомендации номер (95)5, принятой Комитетом министров Совета Европы 7 февраля 1995 года, относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам закреплено, что в принципе должна существовать возможность пересмотра вышестоящим судом (“судом второй инстанции”) любого решения нижестоящего суда (“суда первой инстанции”). Если будут предусмотрены исключения из этого принципа, то они должны быть основаны на законе и должны соответствовать общим принципам правосудия”. Ссылаясь также на статью 3 той же Рекомендации, озаглавленную “Вопросы, исключаемые из права на апелляцию”, ответчик отмечает то обстоятельство, что для обеспечения рассмотрения судом второй инстанции только надлежащих вопросов предусмотрено, что государства должны рассмотреть некоторые меры, в том числе возможность исключения апелляции по ряду дел, в частности по исковым требова-

ниям на небольшую сумму. На основании этого ответчик делает вывод, что “установленный законодательством РА порядок апелляции полностью соответствует требованиям вышеупомянутых Рекомендаций Комитета министров Совета Европы”.

5. В рамках поднятого в настоящем деле конституционно-правового спора Конституционный Суд обозначает следующие правовые вопросы:

- правомерно ли обусловленное размером цены иска ограничение возможности реализации права на апелляцию;
- какие критерии необходимо брать за основание при установлении того размера цены иска, при котором ограничивается право на апелляцию;
- необходимы и правомерны ли определенные исключения в связи с подобным ограничением.

Данные вопросы Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть в контексте права на доступность суда и справедливое судебное разбирательство, учитывая международный правовой опыт и подходы относительно вопроса спора.

Изучение международных правовых подходов и международного опыта в связи с предметом спора свидетельствует, что право на апелляцию по гражданским делам является не абсолютным и, будучи оправданной определенными обстоятельствами, возможность апелляции по отдельным делам может не предусматриваться. Так:

Согласно пункту 15 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 года номер R (81) 7 относительно путей облегчения доступа к правосудию для споров по исковым требованиям на незначительную сумму должна предусматриваться процедура, позволяющая сторонам обратиться в суд, не неся расходов, несоизмеримых денежной суммой, являющейся предметом спора. В этих целях можно предусмотреть упрощенное судопроизводство, избежать ненужных судебных слушаний и **ограничить право на обжалование**.

Согласно пункту b) части I принципа 8 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 года номер R (84) 5 относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы, должны быть предусмотрены конкретные правила или свод правил, ускоряющих разре-

шение спора в случаях, связанных с неоспоримым правом, заранее оцененным ущербом, а также в случаях, связанных с исками на небольшие суммы.

В пункте 3 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 16 сентября 1986 года номер R (86) 12 относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды Комитет предлагает государствам-членам для сокращения нагрузки судов создать такие **внесудебные органы**, в которые могут обращаться стороны для разрешения **исковых споров на небольшие суммы** и по вопросам некоторых конкретных областей права.

В пункте а) статьи 3, озаглавленной “Вопросы, исключаемые из права на апелляцию”, принятой Комитетом министров Совета Европы 7 февраля 1995 года Рекомендации номер R (95) 5 относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам предусматривается, что “для обеспечения того, чтобы суд второй инстанции рассматривал только надлежащие вопросы, государствам следует рассмотреть возможность принятия некоторых или всех нижеперечисленных мер: ... исключить ряд категорий дел, например **исковых требований на небольшую сумму**”.

Взяв за основание вышеизложенное, Конституционный Суд констатирует, что согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы номер R (84) 5 и R (95) 5, **не исключая возможность реализации права на апелляцию по гражданским делам**, тем не менее, в отличие от права на апелляцию по уголовным делам, обжалование по гражданским делам в суде второй инстанции (апелляционный суд) может подвергнуться определенным ограничениям, в частности по **исковым требованиям на небольшую сумму**.

6. Сопоставительный анализ статей 18, 19 и 20 Конституции РА свидетельствует, что Конституция РА, а также Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней предусмотрели право на обжалование в связи с приговорами по уголовным делам.

Статья 19 Конституции РА касается соответствующих процедур рассмотрения данного дела в суде каждой конкретной инстанции и, в частности, процедур, соответствующих требованиям справедливости.

То есть закрепленное в статье 19 Конституции РА положение относительно справедливого судебного разбирательства применимо только после реализации права на принесение апелляционной или кассационной жалобы, если по делам данной категории предусмотрено право на принесение апелляционной или кассационной жалобы. То же касается и статьи 6 Европейской конвенции. Согласно Европейскому суду, предусмотренное статьей 6 право не включает право на апелляцию. В прецедентном праве Европейского суда последовательно выражается та принципиальная правовая позиция, согласно которой Европейская конвенция не обязывает Договаривающиеся государства создавать апелляционные или кассационные суды, тем не менее, если они созданы, то необходимо обеспечить, чтобы заинтересованные лица в этих судах также пользовались гарантиями статьи 6 (в частности, *Staroszczyk v. Poland*, жалоба номер 59519/00, пункт 125 Решения от 22 марта 2007 г.).

Обращаясь к раскрытию конституционно-правового содержания положений части 1 статьи 18 Конституции РА с точки зрения права на судебную защиту и права на эффективные средства судебной защиты, Конституционный Суд находит, что право на обжалование или апелляцию судебного акта при условии наличия судов апелляционной и кассационной инстанций хотя и является элементом права на доступность суда и права на эффективные средства судебной защиты, тем не менее указанные права не являются абсолютными и подлежат определенным ограничениям, одним из которых является ограничение права на апелляцию по предусмотренному оспариваемой нормой Кодекса ряду гражданских дел определенной категории. В этом аспекте Конституционный Суд считает правомерным обусловленное размером цены иска самоограничение права на апелляцию по гражданским делам. Иной вопрос, оправдан ли размер суммы, закрепленный в оспариваемой норме Кодекса, а также соответствует ли такое ограничение, как предусмотренные исключения из общего правила, общим принципам правосудия.

7. Конституционный Суд по результатам изучения международного опыта констатирует, что во всех тех странах, законодательство которых позволяет в случае “небольшой” цены иска ограничить право на обжалование судебного акта, действуют определенные критерии и факторы, в разумном соотношении с которыми законодатель опреде-

ляет размер соответствующей цены иска. Подобными критериями служат, в частности, размер минимальной заработной платы, стоимость минимальной потребительской корзины, уровень жизни населения. Причем в отдельных случаях, например в Федеративной Республике Германия, размер цены иска, при котором не предусмотрена возможность обжалования, значительно уступает размеру минимальной заработной платы.

Европейский суд, оценивая наличие установленного Протоколом N 14 к Европейской конвенции нового условия принятия индивидуальных жалоб, а именно существенного ущерба, зачастую в качестве критерия принимает за основание то, как в финансовом плане данное нарушение влияет на заявителя, в частности обстоятельство незначительности размера суммы, являющейся предметом спора.

В этом аспекте характерным является также то, что Европейский суд, зачастую при оценке наличия существенного ущерба руководствуясь фактом наличия или отсутствия материального интереса для заявителя, одновременно признает, что материальный интерес не является единственным элементом для определения наличия или отсутствия существенного вреда. В частности, в Решении по делу Королев против России (*Korolev v. Russia*) от 1 июля 2010 г. Европейский суд выразил принципиальную правовую позицию о том, что "...нарушение Конвенции может касаться важных вопросов принципа и, таким образом, существенный вред может быть причинен и без причинения вреда материальным интересам".

Более того, согласно статье 12 Протокола N 14 даже при отсутствии существенного вреда индивидуальная жалоба не может быть объявлена неприемлемой, если уважение к конвенционным правам требует рассмотрения данной жалобы по существу.

Исходя из изучения международного процессуального опыта и учитывая вышепредставленные факторы, Конституционный Суд находит, что в случае спора, являющегося предметом разбирательства, для рассмотрения размера той или иной денежной суммы как максимального предела "небольших" исковых требований, в частности, необходимо исходить из критериев, характерных конкретной социальной реальности, каковым, например, может быть соотношение среднего месячного дохода граждан в стране, минимальной заработной платы, стоимости минимальной потребительской корзины.

Необходимо иметь в виду, что, например, минимальная заработная плата в Республике Армения согласно статье 1 Закона РА “О минимальной заработной плате” составляет 32 500 драмов. В то же время стоимость минимальной потребительской корзины составляет 43,499.8 драмов. А согласно части 4 статьи 175 Уголовного кодекса РА **значительный размер** хищения начинается с суммы тридцатикратного размера расчетной минимальной заработной платы (с 30 000 драмов). Во всех случаях определение не подлежащего обжалованию предельного размера денежной суммы является вопросом компетенции законодательного органа, однако это должно определяться исходя из цели обеспечения справедливого и разумного соотношения указанных факторов, одновременно учитывая необходимость того, чтобы конституционно-правовые задачи правосудия служили целям социальной справедливости.

8. Целью института обжалования судебных актов является не только проверка правомерности отклонения или удовлетворения представленного требования. Этот институт является той основной и существенной правовой гарантией, которая обеспечивает соблюдение основных элементов права на справедливое судебное разбирательство нижестоящим судом, в частности соблюдение процессуальных гарантий, предусмотренных частью 1 статьи 19 Конституции РА и частью 1 статьи 6 Европейской конвенции. Во всех тех случаях, когда суд первой инстанции не соблюдает упомянутые процессуальные гарантии, гражданин, не имея права на апелляцию, по сути, лишается возможности эффективно реализовать право на справедливое судебное разбирательство своего дела и эффективного средства защиты от нарушения права на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, рассматривая оспариваемое правовое регулирование в контексте права на справедливое судебное разбирательство, Конституционный Суд считает, что ограничение права на апелляцию, обусловленное размером цены иска, может считаться правомерным только в том случае, когда не искажается сама суть права на справедливое судебное разбирательство. В этой связи Конституционный Суд считает необходимым раскрыть ту общую логику, которая лежит в основании касающихся института обжалования статьи 207, статьи 228, а также статьи 204.32 Гражданского процессуального кодекса РА. В

частности, часть 7 статьи 207 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает те исключительные случаи, когда апелляционная жалоба может быть представлена также против вступившего в законную силу акта суда первой инстанции, разрешающего дело по существу. А именно: когда в ходе предыдущего судебного разбирательства были допущены такие фундаментальные нарушения материального или процессуального права, **принятый в результате которых судебный акт искажает саму суть правосудия.**

Часть 2 статьи 228 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает те нарушения норм процессуального права, которые являются основанием для обязательной отмены решения. А именно: суд рассмотрел дело незаконным составом; суд рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц (нарушение права состязательности и равенства сторон судопроизводства); решение подписано не тем судьей, который его вынес; решение вынесено судьей, который не входит в состав рассматривающего дело суда; в деле отсутствует протокол судебного заседания.

Статья 204.32 Гражданского процессуального кодекса РА закрепляет те случаи, когда вступившие в законную силу судебные акты подлежат пересмотру на основании вновь открывшихся обстоятельств. В частности, такими основаниями являются: подтвержденные вступившим в законную силу приговором суда ложность показания свидетеля, очевидная ложность заключения эксперта, явно неверный перевод переводчика, подлог документов или вещественных доказательств, совершение лицами, участвующими в деле, их представителями или судьей преступного деяния в связи с рассмотрением дела, а также отмена являющихся основанием для вынесения данного решения судебного акта, приговора, решения административного органа или органа местного самоуправления.

Конституционный Суд констатирует, что установленные вышеупомянутыми статьями исключения и основания касаются судебной ошибки или ситуации, искажающей саму суть права на справедливое судебное разбирательство, и лежащая в основе такого правового регулирования общая логика сводится к тому, что судебный акт, вынесенный в результате судебной ошибки, искажающей саму суть права на справедливое судебное разбирательство, не может иметь правовой силы.

Конституционный Суд находит, что законодатель, устанавливая в оспариваемой норме ограничение права на апелляцию по указанным делам, отклонился от вышеупомянутой общей логики Кодекса, не предусмотрев исключений для ограничения права на апелляцию во всех тех случаях, когда суд первой инстанции допустил судебную ошибку, искажающую самую суть права на справедливое судебное разбирательство.

Конституционный Суд констатирует также, что необходимость установления подобных исключений вытекает из требований пункта b) статьи 1, озаглавленной “Право на судебный контроль”, Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 7 февраля 1995 года номер R(95)5, согласно которому исключения из права на судебный контроль допустимы только при условии их соответствия **общим принципам справедливости**. Подобный подход созвучен также подходам Европейского суда, сформировавшимся в практике оценки “существенного вреда”.

Конституционный Суд считает необходимым также отметить, что в ответном письме министра юстиции РА от 23.05.2012 г. N 01/3091-12 на запрос Конституционного Суда в качестве обстоятельства, обосновывающего закрепление оспариваемого положения в Гражданском процессуальном кодексе РА, отмечена необходимость облегчения загруженности Апелляционного Суда. В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что подобное правовое регулирование на практике не только эффективно не служит своей цели, но и, принуждая заинтересованных лиц с целью обхода оспариваемого ограничения обжалования представлять исковое требование, превышающее 50.000 драмов, приводит к загруженности судов по необоснованному требованию в части цены иска, превышающей 50.000 драмов.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 2 статьи 208 Гражданского процессуального кодекса РА признать противоречащей статьям 18 и 19 Конституции Республики Армения и недействительной постольку, поскольку она не предусмат-

ривает исключений из ограничения права на обжалование во всех тех случаях, когда суд первой инстанции допустил судебную ошибку, искажающую саму суть права на справедливое судебное разбирательство, в частности, когда не были соблюдены процессуальные гарантии, предусмотренные частью 1 статьи 19 Конституции РА и частью 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

18 июля 2012 года
ПКС-1037

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ПЕРВОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 6 И ПЕРВОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 9
СТАТЬИ 35, ПУНКТА 3 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 41 ЗАКОНА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “О ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПЕНСИЯХ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА**

г. Ереван

2 октября 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна (докладчик), М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием:

представителя заявителей - сотрудника Аппарата Защитника прав человека РА А. Вардеваняна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официально-го представителя Национального Собрания РА – ведущего специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Сардарян,

приглашенного на основании Решения Конституционного Суда РА от 11.05.2012 г. ПРКС-29 на заседание Конституционного Суда представителя Правительства РА - министра труда и социальных вопросов РА А. Асатряна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по устной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия первого абзаца части 6 и первого абзаца части 9 статьи 35, пункта 3 части 2 статьи 41 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА обращение Защитника прав человека РА от 24.02.2012 г.

Заслушав сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, разъяснения представителя Правительства РА, изучив Закон РА “О государственных пенсиях”, касающиеся предмета обращения международные правовые документы и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О государственных пенсиях” принят Национальным Собранием РА 22 декабря 2010 года, подписан Президентом Республики Армения 30 декабря 2010 года и вступил в силу с 1 января 2011 года.

После регистрации в Конституционном Суде обращения Защитника прав человека РА и до начала судопроизводства по настоящему делу положения оспариваемого первого абзаца части 9 статьи 35 Закона подверглись изменению Законом РА от 19.03.2012 г. ЗР-100-Н. Учитывая вышеизложенное, положения первого абзаца части 9 статьи 35 Закона принимаются к рассмотрению по настоящему делу, учитывая также эти изменения.

Первый абзац части 6 статьи 35 Закона РА “О государственных пенсиях”, озаглавленной “Выплата пенсии”, устанавливает: “Пенсионер, получающий пенсию безналичным способом, обязан не реже одного раза в год в надлежащем порядке представлять в банк документ

о том, что он жив, удостоверенный осуществляющим деятельность в Республике Армения нотариусом, либо являться в банк и заявлять о том, что он жив”.

Первый абзац части 9 той же статьи устанавливает: “Пенсия выплачивается также и в случае представления в назначающее пенсию подразделение доверенности, удостоверенной нотариусом, осуществляющим деятельность в Республике Армения”.

В результате внесенных Законом РА от 19.03.2012 г. ЗР-100-Н в оспариваемый первый абзац части 9 статьи 35 Закона изменений последний устанавливает следующее правовое регулирование: “Пенсия выплачивается также по выданной пенсионером (в случае несовершеннолетнего или находящегося под попечительством пенсионера — его законным представителем: родителем, усыновителем или попечителем) в Республике Армения и удостоверенной осуществляющим деятельность в Республике Армения нотариусом доверенности, если письменное заявление об этом и доверенность представляются в назначающее пенсию подразделение. По выданной в порядке передоверия доверенности пенсия не выплачивается”.

Оспариваемый по настоящему делу пункт 3 части 2 статьи 41 Закона, озаглавленной “Прекращение и восстановление права на получение пенсии, прекращение и возобновление выплаты пенсии” устанавливает, что выплата пенсии прекращается “...в случае непредставления документа или неподачи заявления в порядке, установленном частью 6 статьи 35 настоящего Закона”.

2. Заявитель, ссылаясь на правовые позиции, выраженные Постановлением Конституционного Суда ПКС-731 о запрете дискриминации в области пенсионного обеспечения, находит, что являющиеся предметом спора нормы противоречат статьям 6, 14.1, 37 и 43 Конституции РА. Согласно заявителю, предусмотренные первыми абзацами частей 6 и 9 статьи 35 Закона требования для реализации права на пенсию касательно граждан, проживающих (находящихся) за пределами территории РА, приводят к такому ограничению гарантированного статьей 37 Конституции РА права лица на социальное обеспечение, которое не только несоразмерно с точки зрения статьи 43 Конституции, но также не имеет объективной и разумной обоснованности и приводит к обусловленной только местом жительства (на-

хождения) дифференциации между лицами (пенсионерами), имеющими тот же статус.

Заявитель находит также, что предусмотренное обусловленной лишь местом жительства (нахождения) дифференциации между пенсионерами, проживающими на территории РА и проживающими (находящимися) за пределами территории РА с точки зрения возможности фактического получения пенсии несозвучно закрепленному статьей 14.1 Конституции РА принципу равенства всех перед законом и правовым позициям, выраженным Конституционным Судом РА в соответствии с этим. Предполагаемое противоречие между первыми абзацами частей 6 и 9 статьи 35 Закона и статьей 43 Конституции РА заявитель обосновывает также тем, что обусловленное предъявлением предусмотренных Законом требований оспариваемое ограничение права на пенсию явно не соответствует преследуемой им цели подтверждения того факта, что получающий пенсию гражданин жив. Причем для обоснования своих аргументов с вышеуказанной точки зрения заявитель ссылается, в частности, на статью 4 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах и на ряд других международно-правовых актов.

Предполагаемую неконституционность пункта 3 части 2 статьи 41 Закона заявитель обосновывает в контексте своих доводов относительно первых абзацев частей 6 и 9 статьи 35 Закона, учитывая обстоятельство взаимосвязанности пункта 3 части 2 статьи 41 Закона с положениями первых абзацев частей 6 и 9 статьи 35 Закона.

Одновременно, обращаясь к правоприменительной практике, ссылаясь на ряд существующих международных договоров о взаимном признании документов, в которых членствует Республика Армения, и, как доказательство, ссылаясь на письмо министра труда и социальных вопросов РА номер 133/ММ-1-1/1013-12, заявитель констатирует, что оспариваемые положения Закона применяются в толковании, противоречащем требованиям статьи 6 Конституции РА.

Заявитель сделал также вывод, что вопрос в большей степени касается не содержания норм Закона, а их неправильного применения.

3. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что являющиеся предметом спора правовые положения соответствуют Конституции РА. В предварительно представленных письменных

объяснениях ответчик утверждал, что гражданин Республики Армения, выезжающий на проживание за пределы Республики Армения на срок более шести месяцев или проживающий за пределами Республики Армения более шести месяцев, снявшись с учета, **теряет право на получение пенсии**, за исключением лиц, выезжающих (выехавших) на постоянное проживание в государства, заключившие с Республикой Армения межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения. Их право на получение пенсии, а также право иностранных граждан и лиц без гражданства **может быть вновь приобретено** в силу части 3.2 статьи 41 Закона РА “О государственных пенсиях”, если последние состоят на учете по адресу места жительства РА.

Согласно письменному объяснению ответчика, поднятый вопрос **следует рассматривать по части пенсионеров, выехавших из Республики Армения лишь на срок до шести месяцев**. Касательно последних ответчик считает, что в подобных случаях должна применяться статья 6 Конституции РА. Ответчик также считает, что в правоприменительной практике могут возникнуть проблемы, если соответствующий компетентный орган технически не будет иметь возможность контролировать въезд в Республику Армения и выезд из нее лиц, имеющих право на получение пенсии.

Во время устных объяснений ответчик отметил, что “сегодня государственная политика нашего государства в области социального обеспечения строится по принципу, согласно которому есть пенсионер — есть выплата, нет пенсионера — нет выплаты. Указанный принцип отражен также в Законе РА “О государственных пенсиях”. На практике ответчик продолжает настаивать на своей вышеизложенной позиции относительно проблемы.

Ответчик находит также, что, “учитывая финансовые возможности нашего государства, законодатель установил дополнительные условия для осуществления права на получение пенсии нашими гражданами, находящимися за пределами РА, которые ...осложняют осуществление этого права, однако, как таковые, не направлены на ограничение права на пенсию”.

Относительно утверждаемого заявителем противоречия между оспариваемыми положениями Закона и статьей 14.1 Конституции ответчик на основании толкования понятия “дискриминация” находит, что оспариваемые положения Закона не противоречат статье 14.1

Конституции, так как в них явно отсутствует проявление какой-либо дискриминации в отношении пенсионеров в зависимости от пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических качеств, языка, религии, мировоззрения, политических или иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста или иных обстоятельств личного или социального характера.

Относительно утверждаемого заявителем противоречия между оспариваемыми положениями Закона и статьей 37 Конституции ответчик на основании анализа отдельных статей Закона находит, что непредставление в банк установленных частью 6 статьи 35 Закона документов, а именно: удостоверенный осуществляющим деятельность в Республике Армения нотариусом документ о том, что он жив, либо заявление о том, что он жив, не ограничивает или прекращает право лица на получение пенсии безналичным способом, а прекращает выплату пенсии, которая после представления в банк вышеуказанных документов возобновляется, а также выплачивается сумма невыплаченной пенсии.

Обращаясь к установленному частью 9 статьи 35 Закона документу – доверенности, ответчик находит, что предъявленные форме доверенности требования имеют цель обеспечения надежности в пенсионных отношениях и имеют важное значение для осуществления права на пенсию. В связи с этим ответчик находит также, что несоблюдение требований, предъявляемых к форме доверенности, вовсе не лишает лица права на получение пенсии, а на время прекращает право на получение пенсии, которое или восстанавливается, в числе прочего, после представления доверенности, или назначается пенсия.

4. Учитывая, что отдельные аргументы, нашедшие место в объяснениях ответчика и разъяснениях представителя Правительства РА, могут иметь существенное воздействие на содержание поднятого заявителем конституционно-правового спора, Конституционный Суд прежде всего считает необходимым обратиться к тому утверждению, согласно которому первоочередная задача являющегося предметом спора Закона – решение вопроса социального обеспечения лиц, проживающих в Армении, и то, что гражданин Республики Армения, выезжающий на срок более шести месяцев или проживающий более

шести месяцев за пределами Республики Армения, теряет право на получение пенсии, за исключением лиц, выезжающих (выехавших) на постоянное проживание в государства, заключившие с Республикой Армения межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения.

Из анализа статьи 7, первого абзаца части 1, пункта 2 части 7 статьи 33, части 5 статьи 41 Закона РА “О государственных пенсиях” следует, что имеющимся в государственном регистре населения Республики Армения учетом по месту жительства Республики Армения, основанном на данных об адресе учета лица, имеющего право на пенсию в Республике Армения, обусловлено **право на пенсию, право на получение пенсии, восстановление права на получение пенсии и возобновление выплаты пенсии** гражданина Республики Армения, гражданина Республики Армения, имеющего двойное гражданство, иностранного гражданина или лица без гражданства.

Что касается прекращения права на получение пенсии после назначения пенсии, то сопоставительный анализ соответствующих положений Закона РА “О государственных пенсиях”, в частности статьи 7, озаглавленной “Право на пенсию и право на получение пенсии”, и статьи 41, озаглавленной “Прекращение и восстановление права на получение пенсии, прекращение и возобновление выплаты пенсии”, свидетельствует, что законодатель обуславливает утрату права на получение пенсии фактом прекращения проживания в Республике Армения и проживания в другой стране или снятия с регистрационного учета по месту жительства в Республике Армения лишь соответственно в случаях с иностранными гражданами, лицами без гражданства и лицами, имеющими двойное гражданство. В то время как в случаях с гражданами РА утрата права на получение пенсии обусловлена, в числе прочего, **фактом прекращения гражданства РА** (пункт 7 части I статьи 41), и статья 41 Закона относительно граждан РА не предусматривает такое основание прекращения права на получение пенсии, каковым является обстоятельство выхода с учета по месту жительства в Республике Армения, независимо от того, выехал ли гражданин РА в данное иностранное государство на срок до шести месяцев или более шести месяцев, а также независимо от того обстоятельства, является ли данное иностранное государство государством, заключившим с Республикой Армения межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения или нет.

Конституционный Суд констатирует, что практически не исключаются такие ситуации, когда гражданин РА по личным мотивам (напр. продолжительное лечение и т. д.) будет проживать в иностранном государстве более шести месяцев. По этому поводу на основании анализа законодательства РА, в частности также Закона РА “О государственном регистре населения”, Конституционный Суд констатирует также, что указанный случай самопроизвольно не вызывает прекращения учета по месту жительства в Республике Армения данного лица или обязательство направления пенсионного дела в данное государство.

Принимая за основание вышеизложенное, Конституционный Суд не считает обоснованным и правомерным такое толкование положений Закона, согласно которому гражданин Республики Армения, проживающий за пределами территории Республики Армения более шести месяцев, утрачивает право на получение пенсии.

5. В рамках поднятого в настоящем деле конституционно-правового спора Конституционный Суд считает необходимым также установить:

- правомерно ли в аспекте конституционно-правового содержания предусмотренное частью 6 статьи 35 Закона РА “О государственных пенсиях” требование представления документов как предварительное условие выплаты пенсии;
- рамки применимости содержащихся в законодательстве РА норм об институте “доверенность” к правоотношениям, являющимся предметом спора;
- рамки применимости закрепленных в соответствующих международных договорах РА норм к правоотношениям, являющимся предметом спора.

Для оценки правомерности требования представления документов, предусмотренного частью 6 статьи 35 Закона РА “О государственных пенсиях”, Конституционный Суд прежде всего считает необходимым установить цель, преследуемую нормативными положениями относительно обязанности представления указанных документов.

Конституционный Суд констатирует, что предусмотренные частью 6 статьи 35 Закона документы для получения пенсии безналичным способом, то есть установлением обязанности представления в банк удостоверенного осуществляющим деятельность в Республике Арме-

ния нотариусом документа о том, что он жив, либо заявления в банке о том, что он жив, законодатель преследовал правомерную цель пресечения случаев выплаты пенсии умершим пенсионерам и эффективного использования бюджетных средств.

Иное дело целесообразность определения указанной цели, учитывая и не исключая те обстоятельства, что после представления в банк указанных документов граждан в течение года может умереть или после представления в банк указанных документов граждан в течение года до своей смерти в силу части 9 статьи 35 этого Закона дал доверенность другому лицу. Кроме этого, согласно третьему абзацу части 6 статьи 35 Закона РА “О государственных пенсиях” сумма пенсии, выплаченная за месяцы, следующие за месяцем смерти пенсионера, подлежит возвращению в Государственный бюджет Республики Армения. В связи с этим Конституционный Суд, учитывая также усмотрение государства в установлении форм пенсии, порядка и условий их назначения, констатирует, что, предусмотренное частью 6 статьи 35 Закона установление обязанности представления документов само по себе не создает проблему конституционности.

6. Обращаясь в рамках правовых регулирований предмета спора к вопросу применимости существующих в законодательстве РА норм об институте “доверенность”, Конституционный Суд констатирует, что часть 3 статьи 321 Гражданского кодекса РА выделяет тех субъектов, выданные которыми доверенности приравнены к заверяемым нотариусом доверенностям. Более того, часть 4 той же статьи предусматривает особое правовое регулирование относительно определенных случаев, в том числе доверенности на получение пенсии. Согласно этой норме доверенность на получение пенсии может утвердить также та организация, где работает пенсионер, орган местного самоуправления по месту его жительства и администрация того стационарного лечебного учреждения, где он находится на лечении.

Что касается доверенностей, удостоверяемых предусмотренными частью 3 статьи 321 Гражданского кодекса РА субъектами, то часть 9 статьи 35 Закона РА “О государственных пенсиях” закрепляет особое правовое регулирование только относительно доверенности, удостоверяемой руководителем уголовно-исполнительного учреждения и психиатрического учреждения, приравнивая ее к заверенной нотари-

усом доверенности. В связи с этим Конституционный Суд, принимая за основание часть 6 статьи 9 Закона РА “О правовых актах”, которая устанавливает, что “все иные законы Республики Армения в сфере правоотношений, регулируемых кодексом, должны соответствовать кодексам”, а также требование части 1 статьи 1 Гражданского кодекса РА, согласно которому “нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу”, находит, что при применении Закона РА “О государственных пенсиях” в правоприменительной практике должны приниматься за основание также доверенности, удостоверенные субъектами, указанными в частях 3 и 4 статьи 321 Гражданского кодекса РА.

7. К вопросу следует обратиться также в контексте рамок применимости закрепленных в соответствующих международных договорах РА норм к правоотношениям, являющимся предметом спора, и рассматривать его с точки зрения взаимоотношений “пенсионер, проживающий в государстве, заключившем межгосударственное соглашение в области пенсионного обеспечения, и пенсионер, проживающий в государстве-участнике Гагской конвенции “Об отмене требования легализации иностранных официальных документов” от 5 октября 1961 г. или в государствах-участниках двусторонних и многосторонних международных договоров, регламентирующих правоотношения в связи со взаимным признанием действительности иностранных официальных документов”. По этому поводу Конституционный Суд констатирует следующее: согласно части 4 статьи 6 Конституции РА если в ратифицированном международном договоре устанавливаются иные нормы, чем предусмотренные в законах, то применяются эти нормы. Конституционный Суд в своем Постановлении ПКС-966, обращаясь к содержанию положения части 4 статьи 6 Конституции РА, в частности, отметил: “... международные договоры РА - нормативно-правовые акты, которые являются составной частью правовой системы РА, то есть содержат обязательные правила поведения для субъектов соответствующей сферы правового регулирования, имеют более высокую юридическую силу, чем законы и иные правовые акты РА, подлежат обязательному исполнению всеми государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами РА на всей территории РА”.

Статья 3 Закона РА “О государственных пенсиях” устанавливает, что отношения в связи с государственным пенсионным обеспечением регулируются Конституцией РА, международными договорами РА, указанными законами, другими законами и иными правовыми актами. Согласно третьему абзацу части 9 статьи 35 того же Закона в случае направления пенсионного дела лица, выезжающего (выехавшего) на постоянное жительство в государство, заключившее межгосударственные соглашения в области пенсионного обеспечения РА, невыплаченная до этого сумма пенсии выплачивается пенсионеру также по доверенности, заверенной нотариусом, осуществляющим деятельность в этом государстве.

Конституционный Суд констатирует, что в правоприменительной практике вышеупомянутым нормам Закона РА “О государственных пенсиях” дано ограничительное толкование, и правоприменительные субъекты в процессе применения оспариваемых положений Закона посчитали применимыми только те международные договоры, которые касаются исключительно сферы социального обеспечения. Между тем Республика Армения членствует в отдельных многосторонних и двусторонних международных договорах, которые регламентируют правоотношения в связи со взаимным признанием действительности документов, выданных иностранными компетентными учреждениями и уполномоченными лицами, и которые применимы во всех сферах общественной жизни, в том числе социального обеспечения.

Так, Республика Армения членствует в Конвенции “О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам” от 07.10.2002 г., заключенной в Кишиневе в рамках СНГ, озаглавленная “Имущественные правоотношения” статья 43 четвертого раздела которой устанавливает: “Форма и срок действия доверенности устанавливается законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой она выдана. Такая доверенность на языке той стороны, на территории которой она должна использоваться, или в нотариально заверенном переводе на русский язык принимается на территориях других Договаривающихся Сторон без какого-либо специального удостоверения”.

Согласно пункту 1 статьи 23 Договора между Республикой Армения и Румынией о правовой помощи по гражданским и уголовным делам документы, подготовленные или утвержденные учреждениями

юстиции или иными компетентными органами одной из Договаривающихся Сторон, а также документы под подписью частных лиц, на которых указаны год, месяц и число, и подлинность подписи частного лица удостоверена в установленном порядке, на территории другой Договаривающейся Стороны действительны без какой-либо легализации. То же правило применяется и к сделанным из документов выпискам и копиям, если они удостоверены как подлинные копии. Согласно пункту 2 той же статьи документы, указанные в пункте 1 этой статьи, **которые на территории одной Договаривающейся Стороны рассматриваются как официальные документы, на территории другой Договаривающейся Стороны имеют такую же юридическую силу, как и подготовленные последней Договаривающейся Стороной подобные документы.**

Согласно статье 22 Договора между Республикой Армения и Республикой Болгария о правовой помощи по гражданским делам официальные документы (в том числе нотариальные документы), составленные на территории одной из Договаривающихся Сторон, освобождаются от легализации или подобных условностей, если необходимо представлять их на территории другой Договаривающейся Стороны. Согласно статье 25 того же Договора документы, подготовленные или удостоверенные судом или иным учреждением Договаривающейся Стороны, действительны при наличии официальной печати учреждения Договаривающейся Стороны. В таком виде они принимаются судом или иным учреждением другой Договаривающейся Стороны без легализации.

Согласно статье 25 Договора между Республикой Армения и Грузией о правовой помощи по гражданским делам документы, составленные или удостоверенные судом или иным учреждением одной Договаривающейся Стороны, действительны при наличии официальной печати учреждения этой Договаривающейся Стороны. В таком виде они могут приниматься судом или иным учреждением другой Договаривающейся Стороны без легализации.

Согласно пункту 1 статьи 13 Договора между Республикой Армения и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон составлены или удостоверены соответствующим учреждением или специально уполномочен-

ным на это лицом в установленной форме в рамках их компетенции и закреплены печатью с изображением герба, принимаются на территории другой Договаривающейся Стороны без какого-либо удостоверения. Согласно пункту 2 той же статьи документы, которые на территории одной Договаривающейся Стороны рассматриваются как официальные, на территории другой Договаривающейся Стороны наделяются доказательственной силой официальных документов.

24 мая 1993 г. Республика Армения присоединилась также к Гагской конвенции об отмене требования легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года, в которой членствуют 103 государства. Членством в этой Конвенции Республика Армения обязалась освободить от взаимной легализации официальные документы, в том числе **нотариальные документы**, выданные на территории других Договаривающихся Государств и представляемые в Республике Армения. Этой Конвенцией внедряется также институт апостиля, который заменяет процедуру легализации. Цель внедрения института апостиля — обеспечить использование на территории одного Договаривающегося Государства удостоверенного апостилем официального документа, выданного на территории другого Договаривающегося Государства. Причем апостиль, проставленный в соответствии с требованиями Конвенции на официальном документе, выданном на территории одной Договаривающейся Стороны, не может отклоняться или не признаваться на территории другой Договаривающейся Стороны. Отклонение или непризнание будет неисполнением международного обязательства.

Конституционный Суд обозначает необходимость безоговорочного выполнения установленного частью 4 статьи 6 Конституции РА принципиального требования приоритетной юридической силы норм ратифицированных международных договоров над нормами законов, а также надлежащее исполнение взятых Республикой Армения международных обязательств. Конституционный Суд констатирует, что выполнение этих требований в ситуации предмета спора исключит фактически сложившийся дифференцированный подход в связи с необходимостью возвращения в Республику Армения для получения пенсии, с одной стороны, между пенсионерами, проживающими за пределами территории Республики Армения, но в государстве, заключившем межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения, с другой стороны, пенсионерами, проживаю-

щими за пределами территории Республики Армения, но в государствах-участниках Конвенции об отмене требования легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года, а также в государствах-участниках двусторонних и многосторонних международных договоров, регламентирующих правоотношения в связи со взаимным признанием действительности иностранных официальных документов.

В то же время Конституционный Суд констатирует, что вышеуказанный дифференцированный подход не может привести к установленному статьей 14.1 Конституции РА принципу запрещения дискриминации, так как рассматриваемый подход возник исключительно вследствие невыполнения в правоприменительной практике соответствующими компетентными органами требований статьи 6 Конституции РА, что аргументируется вышеупомянутым письмом министра труда и социальных вопросов РА от 17.02.2012 г. номер 133/ММ-1-1/1013-12, которым удостоверяется, что на основании доверенности, удостоверенной, в частности, государствами-членами вышеупомянутых Кишиневской и Гаагской конвенций, в Республике Армения сумма пенсии не выплачивается.

Принимая за основание вышеизложенное, Конституционный Суд находит, что поднятый заявителем вопрос обусловлен не конституционностью оспариваемых положений Закона, а игнорированием в правоприменительной практике установленного частью 4 статьи 6 Конституции РА принципиального требования приоритетной юридической силы норм ратифицированных международных договоров над нормами законов.

Что касается пенсионеров, являющихся гражданами РА, которые проживают в государстве, не заключившем межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения, или в государстве, не являющемся участником Гаагской конвенции об отмене требования легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года, или в государствах, не являющихся участниками двусторонних и многосторонних международных договоров, регламентирующих правоотношения в связи со взаимным признанием действительности иностранных официальных документов, Конституционный Суд констатирует, что ограничение круга требуемых положениями частей 6 и 9 статьи 35 Закона документов лишь документами, удостоверенными нотариусом,

осуществляющим деятельность в Республике Армения, для вышеуказанных пенсионеров в отличие от пенсионеров, проживающих в Республике Армения, создает необходимость возвращения в Республику Армения, тем не менее находит, что указанное обстоятельство никоим образом не приводит к нарушению принципа запрещения дискриминации, закрепленного в статье 14.1 Конституции, так как, **во-первых**, обязанность представления указанных документов установлена для всех пенсионеров, **во-вторых**, их соответствующее утверждение или удостоверение ограничено одним и тем же субъектом - нотариусом, осуществляющим деятельность в Республике Армения, **в-третьих**, возникающее в результате правовых регулирований, направленных на реализацию любого права, **фактическое положение, в данном случае необходимость возвращения в Республику Армения**, если эта ситуация не связана с установлением разных объемов прав и обязанностей для лиц одной и той же категории, не может привести к нарушению принципа недискриминации. Указанная фактическая ситуация не может привести также к неразумному ограничению данного права, если установленное правовое регулирование преследует правомерную цель. Конституционный Суд находит, что в данном случае правомерность цели установленного Законом правового регулирования обусловлена тем, что касательно пенсионеров, проживающих в государстве, не заключившем межгосударственный договор в области пенсионного обеспечения, или в государстве, не являющемся участником Гаагской конвенции об отмене требования легализации иностранных официальных документов от 5 октября 1961 года, или в государствах, не являющихся участниками двусторонних и многосторонних международных договоров, регламентирующих правоотношения в связи со взаимным признанием действительности иностранных официальных документов, Республика Армения берет на себя дополнительную нагрузку — проверять подлинность выданных в этих государствах документов, предусмотренных первыми абзацами частей 6 и 9 статьи 35 Закона, причем в условиях отсутствия соответствующих международно-правовых оснований. В данной ситуации правомерность установленного Законом правового регулирования касательно вышеотмеченных пенсионеров обусловлена также необходимостью предупреждения возможных правонарушений в области выплаты пенсии, вследствие этого — необходимостью гарантирования прав пенсионеров и эффективного использования бюджетных средств.

Одновременно, принимая за основание также статью 36, часть 4 статьи 41 Закона РА “О государственных пенсиях”, Конституционный Суд находит, что поднятй заявителем вопрос не имеет отношения к допустимости ограничений права на социальное обеспечение, установленного статьей 37 Конституции РА, так как во всех случаях статья 36 и часть 4 статьи 41 Закона РА “О государственных пенсиях” предоставляют возможность получения невыплаченной суммы пенсии за три года, предшествующие месяцу обращения для выплаты пенсии /согласно правовому регулированию, действующему на момент обращения в Конституционный Суд/, а при наличии вины назначающего пенсию подразделения – за весь прошедший период. Конституционный Суд учитывает также, что на основании обращения Защитника прав человека РА принято к производству дело об определении вопроса соответствия пунктов 1 и 2 части 1 статьи 38, пункта 2 части 1 статьи 36 /согласно изменению, внесенному Законом РА от 19.03.2012 г. ЗР-100-Н/, второго абзаца части 3 статьи 14, пункта 6 части 2 статьи 29 Закона РА “О государственных пенсиях” Конституции РА, и к вопросу конституционности упомянутых статей обратится в рамках этого дела.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 8 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Положения первого абзаца части 6 и первого абзаца части 9 статьи 35, пункта 3 части 2 статьи 41 Закона Республики Армения “О государственных пенсиях” соответствуют Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

2 октября 2012 года
ПКС-1050

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 3 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 379
И ЧАСТЕЙ 1 И 2 СТАТЬИ 380 УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ГРАЖДАНКИ ГАЯНЕ АШУГЯН**

г. Ереван

16 октября 2012 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, В. Погосяна,

с участием:

представителей заявителя А. Зейналяна и А. Газаряна, привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Мхитарян и ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия пункта 3 части 1 статьи 379 и частей 1 и 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращения гражданки Гаяне Ашугян”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 23.02.2012 г. в Конституционном Суде РА обращение гражданки Г. Ашугян.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года.

Пункт 3 части 1 статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса РА, озаглавленной “Срок принесения апелляционной жалобы”, устанавливает: “Апелляционная жалоба на ... решения суда первой инстанции об аресте, о продлении срока ареста, о помещении лиц в медицинское учреждение приносится в пятидневный срок с момента их оглашения, а на другие акты, не разрешающие дело по существу, в десятидневный срок с момента их оглашения”.

Части 1 и 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения, озаглавленной “Порядок восстановления срока обжалования”, соответственно устанавливают:

“1. В случае пропуска по уважительным причинам срока, установленного для обжалования, лица, имеющие право подать жалобу, могут ходатайствовать перед судом, вынесшим судебный акт, о восстановлении пропущенного срока. Ходатайство о восстановлении пропущенного срока рассматривается в судебном заседании судом, вынесшим приговор или постановление, который вправе вызвать для дачи объяснений лицо, возбудившее ходатайство.

2. Решение об отклонении ходатайства о восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано в пятнадцатидневный срок в Апелляционный суд, который вправе восстановить пропущенный срок и рассмотреть дело с соблюдением требований, изложенных в статье 382 и части второй статьи 383 настоящего Кодекса”.

2. Процессуальная предыстория по делу сводится к следующему: представители заявителя 07.03.2011 г. подали жалобу в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана с просьбой, в числе прочего, обязать Генерального прокурора РА обратиться в Апелляционный уголовный суд РА с требованием о возбуждении производства по пересмотру решений суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана от 07.04.2003 г. и 09.04.2003 г. “О назначении административного наказания”.

Суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана своим решением от 07.04.2011 г. отклонил жалобу, посчитав, что “... права и свободы Г. Ашутян не были нарушены Генеральным прокурором и Прокуратурой РА”.

Против указанного решения представители заявителя 22.04.2011 г. подали апелляционную жалобу, отметив то обстоятельство, что решение суда первой инстанции было сдано в почтовое отделение 12.04.2011 г., и они получили его 13.04.2011 г. Принимая за основные указанные факты, представители заявителя в своей жалобе в Апелляционный суд выразили мнение, что десятидневный срок для обжалования должен исчисляться с момента получения решения.

Апелляционный уголовный суд РА своим решением от 28.04.2011 г. ԵԿԴ/0025/11/11 оставил апелляционную жалобу без рассмотрения по причине пропуска срока. Одновременно Апелляционный суд на правил представителей заявителя, руководствуясь статьей 380 Уголовно-процессуального кодекса РА, заявить ходатайство о восстановлении пропущенного срока в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана, решение которого об отклонении ходатайства может быть обжаловано в Апелляционный суд.

Против указанного решения представители заявителя подали кассационную жалобу, которая по решению Кассационного Суда от 24.05.2011 г. ԵԿԴ/0025/11/11 была возвращена.

Одновременно созвучно правовой позиции, указанной в вышеупомянутом решении Апелляционного уголовного суда РА от 28.04.2011 г. ԵՉԴ-/0025/11/11, представители заявителя заявили ходатайство о восстановлении пропущенного срока в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана, который, посчитав подтвержденным тот факт, что решение суда первой инстанции от 07.04.2011 г. представители заявителя получили по почте 13.04.2011 г., своим решением от 06.05.2011 г. отклонил ходатайство с той мотивировкой, что представители заявителя имели достаточно времени и возможность для обжалования указанного решения суда и могли в установленном законом надлежащем порядке и срок обжаловать решение суда вплоть до 18 апреля 2011 года включительно, что не было сделано.

Представители заявителя против вышеуказанного решения суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана от 07.04.2011 г. подали апелляционную жалобу.

Апелляционный уголовный суд РА своим решением от 08.07.2011 г. ԵՉԴ-/0033/15/11, по сути, повторив правовые позиции, выраженные решением суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана от 07.04.2011 г., и добавив, что "... обстоятельство получения судебного акта от 07.04.2011 г. 12.04.2011 г. в конкретном случае не явилось таким ограничением, которое могло бы нарушить право доступности суда", отклонил апелляционную жалобу.

Против указанного решения представители заявителя подали кассационную жалобу, которая решением Кассационного Суда от 22.08.2011 г. ԵՉԴ-/0033/15/11 была возвращена.

3. Оспаривая конституционность положения "с момента их оглашения" пункта 3 части 1 статьи 379 и частей 1 и 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса РА, заявитель находит, что они противоречат статьям 18 и 19 Конституции РА.

Для обоснования своей позиции заявитель констатирует, что суд правомерно оглашает только резолютивную часть судебного акта, однако начало срока обжалования по-прежнему исчисляется с момента оглашения, вследствие чего, с одной стороны, начинает течь срок обжалования, а с другой стороны, жалобщик еще не имеет мотивиро-

вочной части судебного акта, то есть не имеет реальной возможности обжалования: в его распоряжении нет важных данных, необходимых для эффективности жалобы, например, признанных судом существенными фактов, примененных норм, выводов, мотивировок, обоснований суда и т.д. Ссылаясь на упомянутые статьи Конституции и Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, цитируя статью 3 Конституции, а также правовые позиции, изложенные в соответствующем постановлении Европейского суда по правам человека по делу “Мамиконян против Армении”, заявитель считает, что оспариваемые положения Кодекса не обеспечивают право лица на эффективное средство судебной защиты, предусмотренное частями 1 статей 18 и 19 Конституции РА.

Ссылаясь на ряд постановлений Европейского суда по правам человека, согласно выраженным в которых правовым позициям установленный для обращения в Европейский суд по правам человека шестимесячный срок может исчисляться с момента получения копии окончательного решения внутригосударственного суда, заявитель утверждает, что пункт 3 части 1 статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса РА противоречит также гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Конституцией РА предмету и целям статей, констатирующих право на справедливое судебное разбирательство.

Заявитель не считает также эффективным средством судебной защиты то установленное частью 1 статьи 380 Кодекса правовое регулирование, согласно которому “для получения права на рассмотрение жалобы по существу в порядке апелляции необходимо обращаться к тому судье, судебный акт которого собираешься подвергнуть критике”.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, считает, что положение “с момента их оглашения” пункта 3 части 1 статьи 379 и частей 1 и 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса РА соответствуют статьям 18 и 19 Конституции Республики Армения. В качестве обоснования своей позиции сторона-ответчик ссылается на уже упомянутое заявителем заключение, выраженное в постановлении Европейского суда по правам человека по делу “Мамиконян против Армении”, согласно которому Европейский суд по правам человека не считает само по себе внутригосударственное пра-

вовое регулирование исчисления начала установленного для предоставления жалобы десятидневного срока не с момента передачи копии приговора, а с момента провозглашения этого приговора нарушением статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, если оно сопровождается для принесших жалобу лиц достаточными гарантиями, обеспечивающими эффективную доступность апелляционной инстанции, в том числе, давая им возможность подачи обоснованной жалобы. В соответствии с этим ответчик считает, что в статьях 174 и оспариваемой 380, а также в части 2 статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса РА закреплены гарантии, которые обеспечивают право лица на эффективное средство судебной защиты.

Обращаясь к срокам, установленным пунктом 3 части 1 статьи 379 Кодекса, ответчик отмечает, что установление подобных кратких сроков преследует цель ускорить разрешение споров относительно судебных актов, не разрешающих дело по существу, что направлено на обеспечение плавного хода уголовного судопроизводства. Что касается установления более короткого срока для обжалования судебных актов, не разрешающих дело о лишении лица свободы по существу, то, согласно ответчику, это обусловлено намерением законодателя устранить за, по возможности, короткий срок незаконные или несоразмерные ограничения права человека на свободу.

Ссылаясь на часть 5 статьи 285, часть 5 статьи 290, часть 3 статьи 479 Уголовно-процессуального кодекса РА, ответчик находит, что несмотря на то обстоятельство, что срок обжалования судебных актов, как правило, исчисляется с момента оглашения, тем не менее законодатель закрепил достаточные гарантии, которые дают возможность подающим жалобу лицам пользования эффективной доступностью инстанции обжалования.

Обращаясь к той позиции заявителя, по которой заявитель не считает эффективным средством судебной защиты установленное частью 1 статьи 380 Кодекса то правовое регулирование, согласно которому “для получения права на рассмотрение жалобы по существу в порядке апелляции необходимо обращаться к тому судье, судебный акт которого собираешься подвергнуть критике”, ответчик, ссылаясь на статью 97 Конституции РА, считает, что независимость судьи не абсолютна, и суд в данном случае должен руководствоваться законом и в случае наличия уважительной причины удовлетворить ходатайство.

В связи с разными уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным и административно-процессуальным порядками восстановления пропущенных процессуальных сроков ответчик считает, что установленный статьей 380 Кодекса уголовно-процессуальный порядок восстановления пропущенных процессуальных сроков не может привести к нарушению права лица на судебную защиту, так как в случае удовлетворения ходатайства апелляционная жалоба принимается судом к производству, а в случае отклонения ходатайства предусмотрена "... возможность обжалования в Апелляционный суд, который вправе восстановить пропущенный срок и рассмотреть дело, что является дополнительной гарантией права лица на судебную защиту".

Ответчик также считает, что неполноценное осуществление прав заявителя обусловлено "... неконституционностью оспариваемых положений Уголовно-процессуального кодекса РА, а обстоятельством несоблюдения заявителем положений закона. В частности, заявитель вместо обращения с ходатайством о восстановлении пропущенного срока на обжалование в суд первой инстанции обратился в Апелляционный суд, вследствие чего получил отказ".

5. Учитывая позиции сторон, в рамках рассмотрения по настоящему делу Конституционный Суд РА считает необходимым рассмотреть оспариваемые положения Уголовно-процессуального кодекса РА в контексте других положений Кодекса, и, в частности, тех положений, которые касаются обязанности суда вручить участнику судопроизводства не разрешающий дело по существу судебный акт, сроков исполнения этой обязанности, а также момента исчисления сроков обжалования не разрешающих дело по существу судебных актов.

Уголовно-процессуальное законодательство РА в аспекте вручения заинтересованному лицу не разрешающих дело по существу судебных актов суда первой инстанции в определенный срок содержит дифференцированное правовое регулирование. В частности, в силу части 5 статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса РА решения об избрании в отношении обвиняемого в качестве меры пресечения ареста, о продлении срока содержания под арестом или об отклонении ходатайства относительно последних в день их вынесения суд под расписку вручает, в числе прочего, обвиняемому, защитнику, а в случае их неявки на заседание суда в надлежащей форме отправляет им.

В связи с вышеуказанной уголовно-процессуальной нормой Конституционный Суд считает необходимым констатировать факт невозможности отправления вышеуказанных судебных актов находящемуся в розыске и не имеющему защитника обвиняемому, а также то обстоятельство, что между моментом отправления судебного акта обвиняемому, защитнику в случае неявки последних на заседание суда и моментом его фактического получения последними лежит неопределенный промежуток времени.

Что касается всех остальных судебных актов, не разрешающих дело по существу, то Кодекс не содержит сроков вручения заинтересованным лицам этих судебных актов (например, часть 5 статьи 283, часть 5 статьи 290 Кодекса). В результате подобного правового регулирования также имеется неопределенный промежуток времени с момента отправления не разрешающих дело по существу судебных актов обвиняемому, защитнику до момента их фактического получения последними.

Одновременно Конституционный Суд констатирует, что в отличие от положений пункта 3 части 1 статьи 379 Кодекса, законодатель в ряде других случаев посчитал началом отсчета срока обжалования судебного акта, не разрешающего дело по существу, момент получения адресатом судебного акта (например, часть 3 статьи 479, статья 412 Кодекса).

6. По настоящему делу, оценивая конституционность оспариваемых норм, Конституционный Суд считает необходимым исходить:

- из необходимости обеспечения судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с правовыми принципами и нормами международного права (статья 3 Конституции РА);
- из необходимости обеспечения закрепленного статьей 18 Конституции РА права на судебную защиту и обжалования судебных актов, являющегося его важным элементом, а также в равной степени из необходимости гарантирования права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в статье 19 Конституции РА, исходя из той единой концепции комплексных законодательных разработок в этой области, которая следует из постановлений Конституционного Суда РА относительно конституционности института судебного обжалования.

7. Конституционный Суд РА в своих предыдущих постановлениях выразил правовые позиции, которые, в числе прочего, касаются также эффективной реализации права на обжалование судебного акта. Суд в своем Постановлении от 28.11.2007 г. ПКС-719, в частности, закрепил, что “производной от конституционного права лица на судебную защиту является позитивная обязанность государства **обеспечивать его как при осуществлении нормотворческой, так и правоприменительной деятельности.** Это, в одном случае, предполагает обязанность законодателя закрепить в законах возможность и механизмы полноценной судебной защиты, с другой стороны, обязанность правоприменителя без исключений принимать к обсуждению направленные им в законном порядке заявления лиц, в которых они испрашивают правовую защиту от предполагаемых нарушений их прав. Очевидно, что в первую очередь это требование касается судов, так как именно эти органы наделены всеобъемлющими полномочиями правовой защиты. ... С другой стороны, судебная власть является единственной властью, которая сама способна и обязана контролировать себя, то есть суды вышестоящих инстанций обязаны устранять судебные ошибки, допущенные нижестоящими инстанциями. Однако бездействие суда в отношении направленных ему заявлений, по сути, искажает сущность права на судебную защиту. Подобный подход делает невозможным правосудие, оно становится недоступным для людей. Такая ситуация несовместима с конституционно-правовыми принципами правового государства”.

Обращаясь к требованиям допустимости заявления в вышестоящей судебной инстанции, Конституционный Суд РА отметил, что “иная ситуация сложилась в вышестоящих судебных инстанциях, в которых **требования допустимости заявления могут быть более строгими.** Однако и в этих инстанциях принятие заявлений к производству суда не может осуществляться произвольно”.

Конституционный Суд РА в своих Постановлениях от 18 октября 2006 года ПКС-652, от 16 ноября 2006 года ПКС-665, от 9 апреля 2007 года ПКС-690 и в ряде других постановлений неоднократно обращался к вопросам доступности и эффективности правосудия, руководствуясь статьями 1, 3, 14, 18, 19, 42, 43 и другими Конституции РА, основными положениями, закрепленными Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, другими междуна-

родными правовыми документами, ссылаясь также на международный опыт развития демократии и прецедентную практику Европейского суда по правам человека, обозначил создание и развитие достаточных нормативных правовых предпосылок для гарантирования эффективной защиты прав лица, особенно в рамках тех международных обязательств, которые взяла Республика Армения перед Советом Европы. Одновременно была обозначена исходящая из этих обязательств определенная дискреционная внутригосударственная свобода в вопросе доступности правосудия и, особенно, законодательных ограничений права на судебное обжалование.

В своем Постановлении от 09.04.2007 г. ПКС-690 Конституционный Суд РА, обращаясь к вопросу обжалования судебных актов, закрепил, что **“ужесточение предпосылок не может происходить несоразмерно, создавая для людей препятствия в защите прав.** Кроме того, в вопросе принятия к производству апелляционных или кассационных жалоб суды должны иметь не дискреционную неограниченную свободу, а право и обязанность принятия жалобы к производству или ее отклонения на законодательно предусмотренных, четких и одинаково воспринимаемых людьми основаниях. Обращаясь к вышеупомянутой проблеме, Конституционный Суд также обозначает системную целостность института обжалования судебных актов и наличие соответствующих конструктивных и законодательных гарантий, обеспечивающих эффективность применения”.

8. Конституционный Суд РА, констатируя, что установление определенного срока обжалования судебного акта нижестоящего суда преследует правомерную цель гарантирования правовой определенности, в то же время, принимая за основание, в частности, закрепленные в его Постановлениях ПКС-652, ПКС-665, ПКС-690, ПКС-719 вышеуказанные правовые позиции, находит, что устанавливая положения относительно обжалования судебного акта нижестоящего суда в определенный срок с момента его оглашения, законодатель, исходя из конституционных прав лица на доступность суда и эффективную судебную защиту, обязан закрепить законодательно необходимые предпосылки для их гарантирования и обеспечения. Одновременно Конституционный Суд находит, что полноценная реализация конституционного права лица на судебную защиту посредством обжалования судеб-

ного акта нижестоящего суда в вышестоящий суд главным образом зависит от того обстоятельства, насколько обжалуемый судебный акт доступен заинтересованному лицу, в какой разумный срок оно может подать обоснованную жалобу для судебной защиты своих прав. Основанием для подобной правовой позиции служат, в частности, статья 381, которая касается требований, предъявляемых апелляционной жалобе, оснований оставления без рассмотрения апелляционной жалобы, статья 407, которая касается требований, предъявляемых кассационной жалобе, оснований оставления без рассмотрения кассационной жалобы, статья 414.1 Кодекса, которая касается возвращения кассационной жалобы. Согласно пункту 5.1 части 1 статьи 381 Кодекса подающий апелляционную жалобу обязан в своей жалобе обосновать нарушение нижестоящим судом материальных или процессуальных норм, а также его влияние на исход дела, а при отсутствии подобного обоснования в силу части 2 той же статьи апелляционная жалоба остается без рассмотрения. Согласно пункту 5 части 1 статьи 407 Кодекса подавший кассационную жалобу обязан в своей жалобе мотивировать нарушение нижестоящим судом материальных или процессуальных норм, а также его влияние на исход дела, согласно пункту 6.1 той же части подавший кассационную жалобу обязан в своей жалобе обосновать допущенную нижестоящим судом возможную судебную ошибку, а также факт возникновения или возможности возникновения вследствие этой ошибки тяжких последствий, а в случае отсутствия вышеуказанных мотивировок и обоснований в силу части 1 статьи 414.1 Кодекса кассационная жалоба возвращается.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд РА констатирует, что для подготовки апелляционных или кассационных жалоб созвучно предъявляемым им законом требованиям необходимо, чтобы лицо, подающее апелляционную или кассационную жалобу, имело в своем распоряжении обжалуемый судебный акт, чтобы могло на основании изучения указанного акта в своей апелляционной или кассационной жалобе обосновать, мотивировать нарушение нижестоящим судом норм материального или процессуального права и их воздействие на исход дела, или факт возникновения или возможности возникновения вследствие них тяжких последствий. Однако, считая согласно пункту 3 части 1 статьи 379 Кодекса началом исчисления срока обжалова-

ния момент оглашения обжалуемого судебного акта, законодатель ставит полноценную реализацию конституционного права лица на судебную защиту посредством обжалования судебного акта нижестоящего суда в вышестоящую инстанцию в зависимости от судебного усмотрения в аспекте признания пропуска срока уважительным или неуважительным. Дело в том, что с момента оглашения судебного акта, с момента отправления его адресату до момента его фактического получения адресатом объективно проходит определенное время, которое может еще больше затянуться, будучи обусловленным также субъективными факторами. В подобных условиях лицо зачастую не имеет в своем распоряжении обжалуемого судебного акта, не имеет возможности составить апелляционную или кассационную жалобу в соответствии с предъявленными ей законом требованиями, что правомерно является основанием для оставления апелляционной жалобы без рассмотрения или возвращения кассационной жалобы.

9. Законодатель в качестве гарантии реализации конституционного права лица на судебную защиту посредством обжалования судебного акта суда нижестоящей инстанции в вышестоящую инстанцию закрепил также статью 380 Кодекса, которая касается признания пропуска срока обжалования уважительным. В данном случае задачей Конституционного Суда является установление того, обеспечивает ли статья 380 Кодекса полноценно конституционное право лица на судебную защиту.

Посчитав подтвержденным по настоящему делу, что после оглашения обжалуемого судебного акта до момента его фактического получения адресатом объективно прошло определенное время, суды РА тем не менее не сочли уважительным пропуск срока, приняв за основание то обстоятельство, что после фактического получения обжалуемого судебного акта до истечения установленного срока обжалования осталось 6 дней, что, согласно судам РА, является достаточным сроком для аргументации того, что жалобщик имел реальную возможность подать в установленный срок апелляционную жалобу.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд констатирует, что статьей 380 Кодекса законодатель наделил суды широким дискреционным полномочием считать уважительным или неуважительным пропуск сроков. В связи с этим, руководствуясь необходимостью эф-

фактивной реализации права лица на судебную защиту, принимая за основание ту выраженную им в ПКС-690 правовую позицию, что “в вопросе принятия к производству апелляционных или кассационных жалоб суды должны иметь не дискреционную неограниченную свободу, а право и обязанность принятия к производству или отклонения жалобы на законодательно предусмотренных, четких, одинаково воспринимаемых лицами основаниях”, Конституционный Суд РА находит, что статья 380 Кодекса полноценно не гарантирует эффективную реализацию конституционного права лица на судебную защиту посредством обжалования судебного акта нижестоящего суда в вышестоящую инстанцию с той мотивировкой, что осуществление указанных дискреционных полномочий ведет к неопределенности. Например, не ясно, какой подход проявят суды по конкретным делам, если после фактического получения обжалуемого судебного акта до истечения срока обжалования останется не 6 дней, как в случае заявителя по настоящему делу, а пять или менее пяти дней. В связи с этим Конституционный Суд считает необоснованным предоставление судам широкого дискреционного полномочия в случае заявления ходатайства о признании уважительным пропуска срока обжалования на основании фактически позднего получения обжалуемого судебного акта. Если законодатель, принимая за основание характер обжалуемого судебного акта, учитывая необходимость реализации прав на доступность суда и справедливое судебное разбирательство, для обжалования данного акта посчитал достаточным данный срок, в конкретном случае – пятидневный и десятидневный сроки, то указанные сроки должны исчисляться с момента возникновения реальной возможности ознакомления с обжалуемым судебным актом, тем более что законодатель в ряде случаев не только не исключает, но и как начало исчисления срока обжалования судебного акта непосредственно предусматривает момент получения адресатом данного судебного акта.

В этом аспекте, учитывая также требование части 1 статьи 63 Закона РА “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд считает важным также обращение к сложившейся в судебной практике РА общей ситуации. В этом аспекте характерна особенно та установленная решением Совета председателей судов РА от 22 декабря 2000 года номер 36 реальность, что есть случаи, когда “... суды в нарушение установленных законом сроков с опозданием отправляют приговоры,

решения и постановления лицам, имеющим право обжалования, что лишает последних возможности подачи жалоб в вышестоящие суды в предусмотренные законом сроки”. Исходя из подобной оценки ситуации, Совет председателей судов нашел, что во всех тех случаях, когда **срок пропущен по независимым от воли подающего жалобу причинам, пропуск срока должен признаваться судами уважительным**. В частности, это касается также тех случаев, когда срок пропущен из-за **отправки** судом стороне копии судебного акта позднее предусмотренного законом срока.

Тем не менее в условиях наличия подобной позиции вопрос получил не законодательное урегулирование, а опять оставлен на усмотрение судов. Конституционный Суд РА считает, что в аспекте защиты конституционных прав человека в указанных случаях пропущенный срок в силу закона /*ex jure*/ должен считаться уважительным, что станет гарантией эффективной реализации прав лица на доступность суда и справедливое судебное разбирательство.

10. Что касается второго поднятого заявителем вопроса относительно оспариваемых частей 1 и 2 статьи 380, Конституционный Суд считает, что в случае пропуска установленного срока обжалования по уважительным причинам компетенция предоставления вынесенному судебный акт суду полномочия рассмотрения ходатайства имеющих право на подачу жалобы лиц о восстановлении пропущенного срока находится в рамках усмотрения законодателя. В рамках подобного правового регулирования существенной гарантией является право на обжалование решения об отклонении вышеотмеченного ходатайства. В частности, оспариваемая часть 2 статьи 380 Кодекса закрепляет, что “решение об отклонении ходатайства о восстановлении пропущенного срока в пятнадцатидневный срок может быть обжаловано в Апелляционный суд, который вправе восстановить пропущенный срок и рассмотреть дело с соблюдением требований, изложенных в статье 382 и части второй статьи 383 настоящего Кодекса”.

Иной вопрос – когда начинается исчисление пятнадцатидневного срока, установленного в вышеуказанной норме Кодекса. В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что часть 2 статьи 380 Кодекса содержит правовую неопределенность: в норме четко не указано в пятнадцатидневный срок, начиная с момента оглашения

судебного акта или с момента получения копии судебного акта, данный судебный акт может быть обжалован в Апелляционный суд. Учитывая правовые позиции, закрепленные в пункте 9 настоящего Постановления, Конституционный Суд находит, что установленный частью 2 статьи 380 Кодекса пятнадцатидневный срок начинается с момента фактического получения адресатом соответствующего судебного акта или его практической доступности в установленном законом порядке, и правоприменительная практика должна руководствоваться таким пониманием конституционно-правового содержания части 2 статьи 380 Кодекса.

II. О чем свидетельствует анализ международной правовой практики и прецедентного права Европейского суда по правам человека относительно настоящей проблемы? Правовая практика многих стран свидетельствует, что в равной степени приемлемы и те правовые положения, согласно которым жалоба на решение суда может быть принесена с момента оглашения приговора или доставки его копии /Словакия, Румыния, Украина, Грузия, Молдова и др./, и то правовое регулирование, когда этот срок устанавливается с момента получения судебного акта /Польша, Монтенегро, Греция, Испания, Германия, Хорватия и др./. Здесь существенным является то, что все те страны, где для исчисления срока обжалования за основание принимается момент оглашения судебного акта, законодательно устанавливают необходимые и достаточные гарантии того, что подающая жалобу сторона получит судебный акт в полном объеме в разумный срок и будет в состоянии эффективно реализовать свое право на доступность суда и справедливое судебное разбирательство.

На практике подобную позицию выразил также Европейский суд по правам человека. В частности, по делу “Мамиконян против Армении” (жалоба от 16 марта 2010 года номер 25083/05), на которое есть ссылка в объяснениях сторон, Европейский суд по правам человека выразил четкую правовую позицию о том, что исчисление установленного для подачи кассационной жалобы десятидневного срока со дня оглашения постановления Апелляционного суда само по себе не может рассматриваться как нарушение статьи 6 Конвенции. Однако в то же время четко устанавливается: “... если оно сопровождалось достаточными гарантиями, которые дают право обжалующим лицам

пользоваться эффективной доступностью инстанции по обжалованию, включая предоставление возможности подачи последними обоснованных жалоб”. Суд посчитал также важной гарантией то обстоятельство, чтобы в соответствии с требованиями части 2 статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса РА не позднее чем в течение 3 дней со дня оглашения приговора Апелляционного суда было гарантировано его вручение осужденному.

Последнее обстоятельство необходимо считать стержневым в условиях таких правовых регулирований, когда срок обжалования исчисляется с момента оглашения акта. Тем не менее Конституционный Суд РА, во-первых, обращает внимание на то обстоятельство, что в упомянутом решении Европейского суда по правам человека (которое официально на армянском языке было опубликовано Министерством юстиции РА) употребляется термин “вручить”. Этот термин был употреблен и в вышеупомянутом решении Совета председателей судов РА. Тогда как в части 2 статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса РА закреплен термин “отправляется”. Очевидно, что они существенно отличаются, и **отправление** в аспекте времени вовсе неравноценно **вручению**, или неизвестно, когда, в зависимости от формы отправления, акт будет получен субъектом данных правоотношений. В аспекте содержания эти понятия могут считаться тождественными только в тех случаях, когда полный текст судебного акта в этот срок **предоставляется** соответствующим субъектам или размещается на официальном сайте суда для его незамедлительной доступности им, что делается во многих странах. Поэтому Конституционный Суд РА считает, что во всех подобных случаях сторона должна иметь разумный срок для подачи обоснованной жалобы после получения судебного акта или **наличия в своем распоряжении его полного текста, после того, как акт официально доступен ей**. А, как отмечалось, во всех тех случаях, когда установленный законом разумный срок подачи жалобы нарушается по причинам, не зависящим от подающего жалобу лица, в силу закона /*ex jure*/ пропущенный срок должен считаться уважительным, и решение этого вопроса не должно оставляться на усмотрение суда. Только в этих условиях для лица, имеющего право на подачу жалобы, будет гарантировано право подачи обоснованной жалобы в разумный срок, право на доступность суда и справедливое судебное разбирательство.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Пункт 3 части 1 статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса РА соответствует Конституции Республики Армения постольку, поскольку гарантируется в установленном законом порядке и сроки **предоставление** судебного акта лицу, имеющему право на подачу жалобы, и пропуск этого срока по не зависящим от него причинам в силу закона /ex jure/ признается уважительным.

2. Части 1 и 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса РА признать противоречащими требованиям статей 18 и 19 Конституции Республики Армения и недействительными в той части, по которой восстановление срока подачи жалобы, пропущенного по не зависящим от имеющего право на подачу жалобы лица причинам, оставляется на усмотрение суда и в силу закона /ex jure/ не признается уважительным.

3. Положения статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса РА, находящиеся в системной взаимосвязи со статьями, являющимися предметом рассмотрения по настоящему делу, соответствуют Конституции Республики Армения постольку, поскольку термин “**отправляется**” части 2 статьи гарантирует **предоставление (доступность)** в этот срок **полного текста судебного акта** субъектам, предусмотренным законом.

4. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

16 октября 2012 года
ПКС-1052

ВЕСТНИК КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Телефон 58-51-89
E-mail: armlaw@concourt.am.
<http://www.concourt.am>.

Подписано к печати 11.05.2013
Формат 70x100 1/16
Тираж 300 экз